

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации

ФГБОУ ВО

«Брянский государственный аграрный университет»

Факультет среднего профессионального образования

Батурина О.А.

Литература Брянского края 19 века

**Учебно-методическое пособие
для практических занятий и самостоятельной работы
студентов 1 курса факультета СПО по дисциплине
«РУССКАЯ РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

Брянская область,
2021

УДК 908:82 (076)

ББК 28.89:83

Б 28

Батурина, О. А. Литература Брянского края 19 века: учебно-методическое пособие для практических занятий и самостоятельной работы студентов 1 курса факультета СПО по дисциплине «Русская родная литература» / О. А. Батурина. - Брянск: Изд-во Брянский ГАУ, 2020. - 40 с.

Данное учебно-методическое пособие издано для студентов 1 курса факультета СПО, предназначенное для аудиторных занятий и самостоятельных работ.

Пособие рассчитано на систематическое использование его студентами на протяжении всего учебного года.

Рецензент: Романеева В.В., преподаватель факультета СПО Брянского ГАУ.

Рекомендовано к изданию решением Цикловой Методической комиссии общеобразовательных, гуманитарных, социально-экономических, математических и общих естественно-научных дисциплин факультета среднего профессионального образования, протокол № 1 от 30.08.2021 года.

© Батурина О.А., 2021

© Брянский ГАУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.....	5
Тема №1	5
Тема №2	7
Тема №3.....	11
Тема №4	13
Тема №5.....	16
Тема №6.....	21
Тема №7.....	28
Тема №8.....	38
Тема №9.....	71
Тема №10.....	74
Тема №11.....	79
Второй раздел.....	95
Список литературы.....	115

ВВЕДЕНИЕ

Данное учебно-методическое пособие предназначено для студентов среднего профессионального образования Брянского ГАУ (78 часов). Оно будет хорошим помощником в подготовке к практическим занятиям по дисциплине «Русская родная литература».

В методическом пособии представлены теоретические материалы разделов дисциплины «Русская родная литература»

Пособие состоит из двух разделов.

Первый раздел «Исторические темы в брянской литературе»: представлены биографические сведения об авторе и отрывки из его произведений, изучаемых на 1 курсе данной дисциплины.

Второй раздел: представлены образительно-выразительные средства русского языка, характерные для художественных текстов.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Литература Брянского края 19 века ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕМЫ В БРЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ТЕМА №1

Происхождение города Брянска. Этимология лексемы Брянск

Брянск — один из старейших русских городов — был основан в 985 году как славянское укрепленное поселение на правом берегу реки Десны. Первоначальное название города — Дебрянск — связывают с окружающими город «дебрями» — дремучими и труднопроходимыми лесами и оврагами. Название Брянск вошло в употребление лишь с конца XV века, а окончательно утвердилось только к XVIII веку.

Впервые город упоминается в Ипатьевской летописи под наименованием «Дебрянск» в 1146 году, а позднее — в Воскресенской, Лаврентьевской, Троицкой летописях и других исторических источниках.

Отметим! Название города Брянск произошло от древнерусского слова Дьбряньскъ, образованного от слова дьбрь. Древнерусское слово дьбрь/дебрь означает «горный склон, ущелье, ров, долина или низина, поросшие густым лесом и кустарником». Однако, как выше было отмечено, название города было все-таки без дь/де/до. Брянск, Дебрянск и Добрянск имеют совершенно разную этимологию. Как установили археологи, важным фактом является приход славян -вятичей на данные территории.

Кто же такой Вятко? Вятко — согласно «Повести временных лет», легендарный родоначальник (князь), первопредок восточного славянского племени (племенного союза) вятичей. Вместе со своим братом Радимом вышел «из ляхов»; поселился «с родом своим на Оке».

Расселение восточных славян

На Днепре - поляне, к северу от них - северяне, к северо-западу - древляне.

На р. Припять - дреговичи (от "дрягва" - болото).

На р. Сож - радимичи.

В районе Смоленска и севернее - кривичи.

На Ильмень-озере и р. Волхов - Ильменские словене.

На северо-востоке (р-н Владимира и Москвы) - вятичи.

На юго-западе (зап. Украина) - уличи, тиверцы, волыняне.

**Валентин Динабургский
Брянск**

На семи ветрах

На восьми холмах
Разметались твои угодыя.
Как хотелось Десне
Отразить купола,
Да нет сил
Одолеть мелководье.
А в былые года —
Бушевала вода
И ходил по реке
Пароходик.
По заречным лугам —

Всё стога, да стога.
Это было недавно всё
Вроде.
Это было недавно
И очень давно,
Как в кино
Время мчит
И ему лишь дано
Врачеванье от тяжких
Недугов.
Говорят, что во всём
Виновато оно.
Ну, а может его
В том заслуга?..
Город рос и мужал
И недаром стяжал
Славу добрую:
Есть чем гордиться.
На Покровской горе
Острый шпиль,
Как кинжал
В небо целит,
Где вольные птицы.

ТЕМА №2

ЛЕГЕНДА О ВЯТКО

Это было не меньше, как тысячу лет тому назад. В наш лесной край пришел со своими людьми родоначальник славянского племени Вятко. Больше ста лет ходил он по земле родной, по Оке широкой и красавице Десне. Глухо и пустынно было тогда на земле нашей. Редко где желтели поля, мало было селений. Глухие

леса раскинулись на тысячи верст, а по берегам рек цветным ковром красовались луга с густой травой, зверей диких водилось несметное число.

Труден был путь непроходимыми чащами, не раз люди Вятко преодолевали болота и топи, реки и озера. Ночью жгли костры, чтобы свет, озаряющий лесные дебри, отпугивал волков, рысей, бурьих медведей.

Но не зря ходило по трущобам племя Вятко. Строили они селения, возводили города-крепости, чтобы непоборима была врагами земля родная.

Трудно, ой как трудно было жизнь начинать, и не раз роптали люди:

- Куда ты завел нас, Вятко? Здесь лесная пустыня и мы по-рем с голоду.

Но крепок духом был Вятко. Он ободрял уставших словом, надеждами, лаской, твердостью своей умирал непокорных и в труде великом укреплял силы людские. И все шло хорошо.

- Земля эта нам уготовлена, - говорил Вятко. - Какая бы она ни была, а родная - мать она нам. Полюбите же, дети, ее любовью неиссякаемой, вечной... А она, матушка, сохранит нас здоровыми, сильными, невредимыми и размножит наш род на веки вечные!

Хорошо говорил Вятко, речь его шла от всего сердца, и люди верили ему.

Люди строили хаты, пахали поля и сеяли зерно, разводили домашних животных, добывали в лесах зверя пушистого, меды душистые; рыбу ловили златокрасноперую, стрелами калеными поражали лося-сохатого, тура-рогатого, гусей и уток быстрокрылых. И радовался Вятко храбрости и усердию людей своих.

Но всему приходит конец. Как ни крепок был Вятко, а годы свое взяли. Двинулся в последний поход он и недалеко от нынешнего Брянска почувствовал, что нет уже сил пускать стрелу каленую выше леса стоячего, не может он на жеребчике через тын перескакивать, сошку от земли поднимать; трудно стало бить ему зверя сохатого, волка серого, буроного медведя.

Но мог Вятко сказать своим людям от всего сердца слово доброе, дать совет разумный.

Оперся старец на плечи молодых воив и долго-долго окрест глядел, а поглядевши, возрадовался и прослезился.

- Гляньте, дети мои,- сказал Вятко,- земля-то какова, сколь она изукрашена! Тут есть над чем потрудиться, во всю силу развернуться... Не жалейте сил, дети мои, живите в дружбе и согласии, и радость в жизни будет вам великая. Щедрая земля наша даст подарочек самый дорогой.

Как ни храбрился Вятко, а все же старость - не радость, задрожал голос его и наполнился грустью:

- Дыхание холодеет мое, жить мне осталось недолго, положите меня на землю, чтобы видно было, как родится день, как великое солнце осветит каждую пядь этой горы и высушит на травке каждую росинку,- с трудом выдохнул Вятко слова завета своего.

Настал вечер, и отвели старца к берегу реки. Разостлали звериные шкуры и положили его лицом на восток, чтобы утром еще раз встретился Вятко с солнцем.

Всю ночь стучали топоры, со стоном падали дубы-великаны. "У-у... Бу-бу",- сердито кричал и ухал филин, с ревом убегали медведи, злобно визжали напуганные рыси, а к утру расступился лес перед дружной силой людей. Когда же взошло солнце, умирающего Вятко одели в дорогие шаровары, сапоги кожаные, куртку и шапку из соболиного меха. Слух об уходе Вятко в другой мир перекинулся за Десну, по Болве и Ипути, дошел до со-

седних племен - северян и радимичей, и пришли они отдать последнее почтение мудрому старцу.

На широкой поляне, у подножия горы, женщины и девушки тихо пели песни под звуки гуслей. Загрустил народ, предчувствуя смерть своего родоначальника. Пришли на поляну зеленую самые почетные старейшины племени, взяли Вятко под руки и возвели на маковку горы. К народу своему обратился Вятко: "Теперь я вижу, дети мои, что здесь много света и нет ни одной капли росы,- это вы трудом своим открыли путь солнцу, так пашите же землю, сады садите, города стройте, украшайте край наш на веки вечные, пусть будет земля наша обильной". Подняли люди на своих могучих руках Вятко высоко над землей, лицом к солнцу. С берега Десны еще громче зазвучала прощальная песня и нежнее задрожали струны гуслей. Проникла песня в сердце старца и родила новые звуки. Тихо запел Вятко. Он пел славу деве-матери, нежной богине плодородия и могучему медведю - властелину лесов, пел славу солнцу животворящему... И чудным словам песни той внимали люди его рода и племени.

А когда сердце стало замирать Вятко тихо спросил о брате своем:

- Радим... друг мой...

- О, Вятко,- сказали люди из племени Радима,- твой брат ждет тебя в другом мире.

- Иду!.. - прошептал Вятко, сиюсь поднять свое большое остывающее тело... Но силы покидали его.

Высоко в небе парили орлы, а над широкой голубой Десной, сверкая белоснежным опереньем, проносились стаи лебедей. Забивались соловьи на тысячи голосов, но Вятко уже ничего не видел и не слышал, он умирал.

Когда солнце стало угасать, приволокли люди на вершину горы новую ладью и повесили ее, точно большую люльку, на дубовые столбы, и в эту ладью принесли тело Вятко. Верили тогда наши предки, что покойник будет жить где-то в другом мире. Положили туда тело Вятко, дорогое оружие, лошадей, волов и умертвили его коня. Всю ночь лежал покойник, а как настало

утро, почтенный старец зажег ладью, и все, от молодого до старого, стали бросать в огонь сухие ветки. Высоко навстречу солнцу поднялось пламя.

- Вот теперь,- говорили старики, - наш Вятко встретится с солнцем...

Прошли годы. На месте этого племенного святилища возник городок большого славянского племени вятичей, названного так в честь их родоначальника - могучего Вятко. Городок этот именовался Дебрянском, потому что возник он среди лесных дебрей.

(Записали: В. Соколов, А. Шкроб, с. Супонево)

ТЕМА №3

Самобытность преданий Брянского края

Происхождение лексемы Десна. Река Десна и связанные с ней легенды в фольклоре Брянского края

Десна́ — река в Москве и Московской области, левый приток Пахры. Название Десна происходит от славянского слова «десница» — правая рука, также означает «река, впадающая справа».

Легенда о Десняночке

В стародавние времена пришел на деснянские берега старец Добрь и поставил свой дом вблизи села Добруни. У старика была дочь, красавица Десняночка. Говорят, что сам черниговский князь Михаил засылал к ней сватов.

Только не польстилась она на богатство. А тем часом Золотая Орда подошла к Добруни. Завязалась битва, и стали татары под предводительством Темника теснить русских воинов к заболоченной деснянской пойме.

И тут Темник увидел на другом берегу Десны девицу, всю в белом одеянии, с ромашковым венком да с русой косой. Девушка пела песню, притягивая и завораживая врагов. Азарт сечи утих. А

Десняночка запела, удалялась в сторону леса.

Темник повернул коня к певунье, а за ним всё войско потянулось. Неожиданно лес кончился, и открылся зеленый луг. Десняночка знала, что этот луг только с виду красив и зелен, а под ним скрывается топь непролазная.

Но она смело ступила на зыбь зеленую, и пошла, как посуху. Кинулись за ней татары, но луг разверзся под их ногами, и стала трясина живьем заглатывать чужеземцев. Тут подоспели бряннычи с добруньцами. Ни один враг живым не ушел.

А что же стало Десняночкой? Есть в дремучем бору светлый омут, и бежит из него реченька, чистая, прозрачная, как девичьи мечты. Старые люди ту речушку Десняночкой зовут. Вот такая красивая легенда.

В ее честь в 1961 году была создана «Десняночка». А Вячеслав Орлов и Валерий Херувимов в 1976 году воссоздали из дуба образ певуньи, столь привлекательной и душой, и внешностью, и подвигом своим.

Возникновение Свенского монастыря и православные легенды о нём

Своим возникновением Свенский монастырь обязан явлению чудотворной иконы Пресвятой Богородицы и великих печерских чудотворцев Антония и Феодосия. Произошло это чудо в далеком XIII веке, когда брянский князь Роман Михайлович ("Старый") неожиданно стал слепнуть.

Древнее сказание об основании монастыря

Основан в 1288 кн. Романом Михайловичем Черниговским в благодарность за чудесное исцеление его на сем месте от слепоты по молитве пред иконой Пресвятой Богородицы, известной в настоящее время под именем Свенской. Свенский монастырь является одним из древних и известных монастырей в России. Обитель расположена недалеко от места впадения в Десну реки Свени, вследствие чего и получила название Свенской.

В 1288 году, когда Черниговский и Брянский князь Роман Михайлович неожиданно стал слепнуть, он послал в Киево-Печерскую Лавру за иконой, исцелявшей недуги, вместе со священниками и "архимандрита Петровского" (Брянского Петро-Павловского монастыря). ¶

"В лето 6796 (1288), - так повествует древнее сказание, - Благоверный Великий князь Черниговский Роман Михайлович, будучи в своей вотчине во граде Брянске, по Божиему изволению ослеп очами, и, слышав о чудесах исцеления, случавшихся от образа Пресвятой Богородицы Печерской и от великих чудотворцев Антония и Феодосия Печерских Киевских, послал гонца своего в тот Печерский монастырь с милостынею и прошением об отпуске той чудотворной иконы к нему в город Брянск, для испрошения от нее исцеления".

Печерский архимандрит, с согласия братии, отпустил к Благоверному князю со священниками икону на лодке рекою Десною. Получив заветный дар, брянцы поплыли обратно. Но вдруг, как гласит предание, «стала ладья на едином месте среди реки Десны; гребцы немогуще загрести ни горе, ни в низ». Но едва провожавшие Святую икону сказали: "Проведем эту ночь в Свене реке", лодка пошла, и они заночевали на правом берегу.

Проснувшись, они пошли помолиться пред чудотворной иконой Пресвятой Богородицы, но не нашли ее – икона исчезла. В поисках исходили все побережье, пока не нашли ее среди ветвей дуба, стоящего на самом высоком месте меловой горы у изгиба реки Десны.

Об этом чуде было донесено Благоверному князю Роману. Князь, сопровождаемый Епископом и священниками, отправился пешком к месту, где находилась икона. Дойдя до того места, где теперь стоит Свенский монастырь, вздохнув, он со слезами сказал: "О, Пречудная Владычице Богородице, Мать Христа Бога нашего! Даруй мне, Госпоже, видеть очами своими свет и Твой чудотворный образ". Князь Роман дал обет на этом месте построить храм и монастырь, и дать ему столько земли, сколько увидит с этого места.

Прослышав о чудесном исчезновении и обретении привезенной иконы, князь Роман с родными, приближенными боярами и Брянским духовенством с воодушевлением направился к месту обретения образа. Подойдя к дубу, помолился и воскликнул со слезами: «О, Пресвятая Владычица, Госпожа, Дева, Богородица! Услыши глас молитвы моей и дай прозрение очима!». И в тот же час прозрел, став видеть лучше прежнего.

В ту же минуту он увидел небольшую тропинку и велел поставить Крест. Когда пришли к дереву, где стояла икона, князь громко сказал: "О, Пресвятая Владычице, Госпоже Дево Богородице! Услышь глас молитвы моей и дай прозрение очам моим!" После этой молитвы он прозрел и стал видеть лучше, чем прежде.

Князь Роман приказал снять с дерева икону, но никто из простых священников не мог ее снять; только Епископ снял ее и поднес к князю. Приложившись к чудотворному образу, Благоверный князь повелел отслужить молебен. После благодарственных молитв князь, пообещав Богоматери отдать Ей в удел все, что теперь окрест видит, стал собственноручно заготавливать лес для постройки обиденного храма. Вскоре был выстроен храм в честь Успения Пресвятой Богородицы. Позже князь созвал братию,

устроил монастырь и щедро наделил его деньгами, а чудотворную икону обложил золотом.

В рукописном сказе о Свенском монастыре говорится: "А дуб, на коем чудотворная икона явилась, епископ тогда же, разделя на части, роздал на благословение людям, и многие от него получиша исцеление." На месте явления чудотворной иконы, над пнем дуба, стоял каменный столб, и на нем был список чудотворной иконы. А в 1854 году, вместо каменного столба устроена чугунная великолепная часовня.

При этом случае и остававшийся 566 лет в столбе пень дуба, который ознаменован явлением на нем чудотворной иконы, раздроблен и разделен между братиею и благоговейным народом.

(Михаил Решетнёв. Основание Свенского монастыря, 2001)

ТЕМА №5

Образ Романа Брянского в летописных источниках и в творчестве брянских писателей и поэтов

Роман Михайлович (ум. 1401) — князь Брянский и великий князь Черниговский (с перерывами 1356—1401), смоленский наместник великого князя литовского Витовта (1395—1401). Племянник Ивана Александровича Смоленского и Дмитрия Александровича Брянского (по версии Л. Войтовича, внук Александра Романовича Брянского из Ольговичей).

В 1356 году Брянск был захвачен великим князем Литовским Ольгердом. В 1371 году Ольгерд не включил чернигово-северские земли в список земель, на которых просил константинопольского патриарха о создании особой митрополии, а при заключении Любутского мира в 1372 году между Литвой и Москвой в качестве брянского князя упоминался Дмитрий (сын Ольгерда). В

то время Роман был только великим князем Черниговским (а Дмитрий Ольгердович — брянским), но в 1375 году Роман упоминается летописью как брянский князь в связи с совместным походом московских, брянских и смоленских войск на Тверь. В 1380 году Роман участвовал в Куликовской битве.

С периодом пребывания в Северо-Восточной Черниговщине Романа Михайловича в годы его изгнания из Брянска, связано клеймение монет тамгой-черниговским трезубцем, которое отражает его противостояние князю Дмитрию Ольгердовичу. Наличие черниговского трезубца на монетах и титулование Романа Михайловича «брянским князем» в летописях, свидетельствует о том, что, будучи смещённым с брянского стола, он не желал расставаться со своим высоким статусом. Трезубец Романа Михайловича воспроизводит древнюю геральдику старшей ветви черниговских князей XII века.

После удачного похода польско-литовских войск на Смоленское княжество в 1395 году и захвата Витовтом в плен Глеба Святославича Смоленского Роман стал литовским наместником в Смоленске. После разгрома Витовта ордынцами в битве на Ворскле в 1399 году, в которой погиб Глеб, литовское влияние в Смоленске ослабело, и с помощью Олега Рязанского смоленским князем стал брат Глеба, Юрий Святославич. Роман Михайлович был убит. У него был сын Семён Романович и дочь Ольга Романовна.

СВЯТОЙ РОМАН БРЯНСКИЙ

Князь Роман Брянский, второй сын Михаила Черниговского, родился около 1225 г., судя по всему, в Чернигове, поскольку к тому времени его отец уже прочно овладел этим стольным городом, оставшимся ему после гибели в 1223 г. в битве на реке Калке великого Черниговского князя Мстислава Святославовича, дяди князя Михаила. Матерью князя Романа была дочь Романа Мстиславовича Великого и родная сестра Даниила Романовича Галиц-

кого, Агафья. Свои юношеские годы княжич Роман провел в Чернигове, здесь узнал о разгроме Рязани, Вщижа, отсюда вместе с семьей уехал в Киев, где его отец Михаил Черниговский претендовал на Киевский престол.

В середине XIII в. в Брянск приехал черниговский князь Роман Михайлович. При князе Ромane Брянском город стал крупным культурно-религиозным центром Юго-Западной Руси. На Покровской горе возведены дубовые крепостные стены. С именем князя связана легенда об основании Свенского монастыря (1288 г.).

Роман Михайлович Брянский был незаурядным правителем, о котором крупный русский историк Д.И. Иловайский (1832-1920) сказал так: «Доблестный брянский князь Роман Михайлович был последним достойным представителем энергичного племени черниговских Ольговичей».

Умер после 1288 г. Был причислен Русской Православной Церковью к лику святых, память 3 октября (по н.с.), в Соборе Брянских Святых.

В.Д. Динабургский

«КНЯЗЬ РОМАН БРЯНСКИЙ»

Даль неоглядная, млеет восток.
Топот копытный: беда, беда!
Аки песок, аки песок

на Русь накатила орда!..
Дымных пожарищ над краем не счесть.
Колокол в горе недвижим и нем.
Добруньских, черниговских, севских невест
гонят в ханский гарем.
Грозен, коварен ордынский хан!
Брови - сабли, борода - клином,
тяжелый взгляд, на боку ятаган.
Шатер - с переливом синим.
Хан вероломен, хан хитер!
Куда ты, одумайся, княже!
Ханский кинжал остер,
И неусыпна стража!
Но был князь Роман
непреклонен и горд,
и смел был потомственный вятич.
Пусть лучше смерть, чем граду разор!
И князь на призыв ханский скачет...
Ногайские степи, ковыль да ковыль.'
Коршун в мареве виснет.

Суслик, над норкой свечкой застыв, пугает разбойничьим свистом. На ложе шелковом - покой телесам. Но то, видно, воля аллаха.

- Великий!

Урус прискакал к тебе сам. И хан улыбнулся: - Мир праху!.. Как щелки глаза, скулы туго круглы и тлеет желтый румянец:

- Нам ведомо, князь, ты возводишь валы,
зело укрепляешься, брянец!

- Похвальное дело! - куражится хан. - Стараньям твоим мы рады!

Но плачет по шее твоей аркан!

За дерзость не жди пощады!..

И князя схватили, кололи и жгли,
зренья лишили и речи.
Но большего сделать уже не могли:
князь умер,
А в небе плыл кречет.
Широкие крылья тяжелым крестом
тьень уронили на хана.
И хан отшатнулся, как будто огнем
прошлись по ожившим ранам.
Дурное знаменье - распластанный крест!
Урусы - орлиное племя!
И хан не ласкает плененных невест
в походном своем гареме.
Не ест бешбармак и кумыса не пьет.
Всё чудится месть за Романа,
Великая Русь собирает поход,
и страх оплетает хана

Н.И. Поснова

«РОМАН БРЯНСКИЙ»

Песнь первая

Среди лесов темно-зеленых, Непроходимых, непоклонных,
Где сизогривы сосняки Шумят по-вдоль Десны-реки, На берегу
крутом, на взгорье, Белея, вежи² городни³ Встают нежданно пер-
ред взором, Высоким башенкам сродни.

За городнею той дубовой, Что служит граду век основой,
Там, поднимая кровли ввысь, Палаты княжьи вознеслись. Там
гусли звонкие играют, И песня русская звучит, Там гости княжий
гуляют, Веселье вольное шумит.

1 Миндовг, князь - крупнейший литовский политический деятель XIII в., сумевший создать единое Литовское великое княжество. Пользуясь уменьшением активности немецких рыцарей-крестоносцев и ослаблением русских княжеств татаро-монгольским нашествием, пытался сделать территориальные приобретения за счет Руси.

2 Вежа - сторожевая башня крепости.

3 Городня - своеобразная деревянная крепость, состоящая из срубов, насыпанных землею или камнями.

ТЕМА №6

Александр Пересвет – герой литературы Брянщины

Александр Пересвѣт (? — 8 сентября 1380) — русский монах-воин, инок Троице-Сергиевского монастыря. Вместе с Родионом Ослябей участвовал в Куликовской битве.

Русской православной церковью причислен к лику святых в чине преподобных, его память празднуется в Соборе Радонежских святых, соборе Тульских святых 22 сентября (5 октября).

Пересвет предположительно родился в Брянске и до пострижения в монахи был боярином, участвовал в ряде походов и боёв. Существует предание, будто Пересвет принял монашеский постриг в Ростовском Борисоглебском монастыре. Краевед А. А. Титов, ссылаясь на «Предания о ростовских князьях», сообщает, что сведений об Александре Пересвете нет. Житие Пересвета и Осляби сообщает, что Пересвет и Ослябя были учениками и постриженниками преподобного Сергия Радонежского.

Участие в Куликовской битве

Согласно житию преподобного Сергия Радонежского, перед Куликовской битвой князь Димитрий в поисках духовной поддержки отправился к нему в монастырь за благословением. Татары

в то время считались непобедимыми, а имя преподобного Сергия, как праведника и чудотворца, было прославлено по всей Руси. Благословение такого человека должно было вселить надежды во всех воинов. Преподобный Сергий благословил не только князя, но и, согласно автору позднего Сказания о Мамаевом побоище, жившему в XV веке, двух иноков, хорошо знающих военное искусство, Александра Пересвета и брата его Андрея Ослябу. Историк А. Л. Никитин считает, что эпизод с «благословением», скорее всего, является вымышленным, как и сам поединок с «печенегом» Челубеем и иночество Пересвета. В самом раннем известном кратком летописном рассказе о битве 1380 года «О побоище иже на Дону» имя Сергия Радонежского не упоминается совсем.

Сергий Радонежский благословляет Пересвета перед Мамаевым побоищем. Миниатюра

Летописного свода Ивана Грозного

Яблоне́вый посо́х Пересвета, хранится в музее-заповеднике «Рязанский Кремль».

По преданию, перед битвой Пересвет молился в келье отшельника при часовне святого воина великомученика IV века Димитрия Солунского, где впоследствии был основан мужской Димитриевский Рязский монастырь, что в 7 км от г. Скопина. Помолясь, Пересвет ушёл, оставив свой яблоне́вый посо́х. После революции 1917 года этот посох

находится в краеведческом музее г. Рязани.

Согласно тексту Сказания о Мамаевом побоище, перед началом Куликовской битвы Пересвет участвовал в традиционном «поединке богатырей». Со стороны войска Мамаю ему противостоял богатырь Челубей (по другим версиям — Челибей, Темир-Мирза либо Таврул). По преданию, Челубей не только отличался огромной силой, но и особым мастерством военной выучки. Некоторые источники указывают, что Челубей был непобедимым воином-поединщиком, которого люди Мамаю наняли специально для подобных поединков. Оба противника были на конях, вооружение составляли копьё. «И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались».

Существует также другая версия поединка, согласно которой копьё мастера конных поединков Челубея было значительно длиннее обычного. Вступая с ним в бой на копьях, противник не мог даже нанести удар, как уже оказывался побеждённым и вывалился из седла. Александр Пересвет пошёл вопреки логике поединка — сняв с себя доспехи, он остался лишь в одной Великой схиме (монашеская накидка с изображением креста, надевается поверх монашеской одежды). Сделал он это для того, чтобы копьё противника, пройдя сквозь мягкие ткани тела на большой скорости, не успело вышибить его из седла и тогда он смог бы нанести удар сам, что и произошло в бою. Челубей был убит и вывалился из седла. Пересвет же, получив смертельную рану, продолжал оставаться в седле, доехал до строя русского войска и только там умер, или верный конь вынес к своим умершего по дороге, но оставившегося в седле победителя. Сразу после гибели поединщиков началась, согласно Сказанию..., сама битва — конница Мамаю атаквала передовой полк русских войска. На самом деле в тексте «Задонщины» можно видеть, что Пересвет был жив во время битвы — он на поле «поскакывает на своём добром коне,

а злачёным доспехом посвельчивает», когда уже «иные лежат посечены».

Погребение

После битвы тело Пересвета вместе с телом Осляби было доставлено в Москву и погребено рядом с храмом Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове (тогда ещё деревянным) в «каменной палатке». По другим сведениям (С. Ф. Платонов, Курс русской истории для гимназий, 1912 год), Ослябя в Куликовской битве не погиб, а упоминания о нём встречаются в летописи и за значительно более поздние годы.

По одной из версий, саркофаги Пересвета и Осляби были обнаружены в XVIII веке, при разборе старой колокольни храма. При проведении работ строители наткнулись на кирпичный склеп, пол которого сплошь покрывали надгробные камни без надписей (захоронения монахов или воинов). Сняв их, строители увидели саркофаги Пересвета и Осляби. При строительстве новой трапезной храма усыпальницу закрыли, а камни из неё были уложены в северо-западный угол трапезной храма. Позднее над этим местом было сооружено чугунное надгробие с сенью, уничтоженное в 20 годы XX века.

Однако, по ряду данны, тела Пересвета и Осляби никогда не были найдены и ныне покоятся в трапезной храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове «под спудом» (то есть точное местоположение захоронения не идентифицировано). Сейчас на предполагаемом месте захоронения Пересвета и Осляби в трапезной храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове установлено деревянное надгробие, копирующее по форме первое чугунное. Место открыто для посещения.

Пересвет и Ослябя причислены Русской православной церковью к лику святых. День памяти отмечается 7 (20) сентября, а также на Неделе Всех Святых, в земле Российской просиявших во 2-е воскресенье после дня Святой Троицы, в день Всех Московских святых в воскресенье перед 26 августа (8 сентября), Всех Тульских святых 22 сентября (5 октября), Всех Брянских святых 20 сентября (3 октября), Всех Радонежских святых 19 (19) июля и 24 августа.

Увековечивание имени

В честь Пересвета и Осляби были названы броненосцы Российского флота «Пересвет» и «Ослябя», участвовавшие в Русско-японской войне. Имя «Пересвет» носят грузовое судно (ранее Волжский-7), большой десантный корабль Тихоокеанского флота России и поезд сообщением Брянск — Санкт-Петербург. Наименование «Пересвет» носит тепловоз 2ТЭ25К, выпускаемый с 2005 года в Брянске.

Памятник Александру Пересвету и Бояну на Покровской горе в Брянске

Имя Александра Пересвета носит город в Московской области, улица в Брянске и один из московских переулков неподалёку от храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове (Пересветов переулок). В Брянске, в центре Советского района на Покровской горе установлен памятник Пересвету и легендарному гуслиарю и сказителю Бояну. Автор монумента — скульптор Андрей Ковальчук, архитектор Александр Петров[13]. В Бежицком районе Брянска открыт ледовый дворец «Пересвет».

В Москве в 2006 году был сформирован 33-й отряд специального назначения «Пересвет» в составе 55-й дивизии внутренних войск.

«АЛЕКСАНДР ПЕРЕСВЕТ»

Спадоша на землю мертви
и ту конец прияша оба.

Из летописи

ПРОЛОГ

Даль светла. Дыханью тесно.
И слеза... И все в тумане.
Русь моя, ты боль и песня,
необъятна, несказанна!
Все в тебе с лихвой вместилося:
степи, горы и леса!..
Это счастье, это милость,
в том, что здесь я родился!
Это чувство неоплатно.
Дремлет лес, луга в цветенье.
Под ногами клевер,
мятлик и кузнечик сыплет звенью.
И ромашки.
Реет млечность!
Вот отрада где для глаз!
Это с нами будет вечно,
это все в крови у нас!
Но а вдруг беда нагрянет,
-пыль в полнеба от копыт.
И поднимутся славяне,
и пойдут в заре багряной, чтобы жить.
А кто убит -прорастет травой степною,

и в веках родится сказ, как стояла Русь стеною
на Непрядве ль, под Москвою - Это издревле у нас.

ПОЛЕ СЛАВЫ

О, поле, поле Куликово!
Священной памяти земля!
Спасибо, поле, за подкову
с ноги безвестного коня.
Спасибо, поле древней сечи,
за васильки и запах трав.
За тихий плеск неброских речек
и за прохладу по утрам.
Тебе пришел я поклониться от той земли,
где Пересвет в расцвете сил, в расцвете лет взирал,
как пролетают птицы над поймою.
Ей края нет. Широк простор, густые травы,
а там - леса, а там - река!..
Он взял копье не ради славы
и в битве пал не ради славы,
но в нас вошел он - на века!..
И мы познали битв немало.
В годину новых тяжких бед
Не оставлял нас Пересвет,
и это силы придавало!
Победы славный час придвинув,
дошли, дошли мы до Берлина...
О, поле Русское - начало всех побед!
Ты наша гордость с той поры кровавой.
И брянский витязь Пересвет,
в истории оставив след,
поныне жив по сути и по праву.

ТЕМА № 7

Крещение Руси в литературе Брянщины. Образ князя Владимира

А.К. Толстой «Песня о походе Владимира на Корсунь». Художественная картина прощания Руси с языческими идолами и принятия новой веры. Средства передачи драматизма и исторической значимости описанных событий.

Часть первая

1

«Добро, – сказал князь, когда выслушал он
Улики царьградского мниха, –
Тобою, отец, я теперь убежден,
Виновен, что мужем был стольких я жен,
Что жил и беспутно и лихо.

2

Что богом мне был то Перун¹, то Велес²,
Что силою взял я Рогнеду³,
Досель надо мною, знать, тешился бес,
Но мрак ты рассеял, и я в Херсонес⁴
Креститься, в раскаянье, еду!»

3

Царьградский философ и мних тому рад,
Что хочет Владимир креститься;
«Смотри ж, – говорит, – для небесных наград,
Чтоб в райский, по смерти, войти вертоград⁵,
Ты должен душою смириться!»

4

«Смирюсь, – говорит ему князь, – я готов –
Но только смирюсь без урону!
Спустить в Черторой десять сотен стругов;

Коль выкуп добуду с корсунских купцов,
Я города пальцем не трону!»

5

Готовы струги, паруса подняты,
Плывут к Херсонесу варяги,
Поморье, где южные рдеют цветы,
Червленые вскоре покрыли щиты
И с русскими вранами стяги.

6

И князь повещает корсунцам: «Я здесь!
Сдавайтесь, прошу вас смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спесь
И город по камням размыкаю весь –
Креститься хочу непременно!»

7

Увидели греки в заливе суда,
У стен уж дружина толпится,
Пошли толковать и туда и сюда:
«Настала, как есть, христианам беда,
Приехал Владимир креститься!»

8

И прений-то с нами не станет держать,
В риторике он ни бельмеса,
А просто обложит нас русская рать
И будет, пожалуй, три года стоять
Да грабить края Херсонеса!»

9

И в мудрости тотчас решает сенат,
Чтоб русским отверзлись ворота;
Владимир приему радушному рад,
Вступает с дружиной в испуганный град
И молвит сенату: «Ну, то-то!»

10

И шлет в Византию послов ко двору:
«Цари Константин да Василий!
Смиренно я сватаю вашу сестру,
Не то вас обоих дружиной припру,
Так вступим в родство без насилий!»

11

И вот императоры держат совет,
Толкуют в палате престольной;
Им плохо пришлось, им выбора нет –
Владимиру шлют поскорее ответ:
«Мы очень тобою довольны!»

12

Крестися и к нам приезжай в добрый час,
Тебя повенчаем мы с Анной!»
Но он к императорам: «Вот тебе раз!
Вы шутите, что ли? Такая от вас
Мне отповедь кажется странна!»

13

К вам ехать отсюда какая мне стать?
Чего не видал я в Царьграде?
Царевну намерен я здесь ожидать –
Не то приведу я вам целую рать,
Коль видеть меня вы так рады!»

14

Что делать с Владимиром: вынь да положь!
Креститься хочу да жениться!
Не лезть же царям, в самом деле, на нож?
Пожали плечами и молвят: «Ну что ж?
Приходится ехать, сестрица!»

15

Корабль для нее снаряжают скорей,
Узорные ладят ветрила,
Со причтомб на палубе ждет архирей,

Сверкает на солнце парча стихарей⁷,
Звенят и дымятся кадила.

16

В печали великой по восточне крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы деву накрыли фатой –
И волны запенил корабль золотой,
Босфора лазурь рассекая.

17

Увидел Владимир вдали паруса
И хмурые брови раздвинул,
Почуялась сердцу невесты краса,
Он гребнем свои расчесал волоса
И корзно княжое накиннул.

18

На пристань он сходит царевну встречать,
И лик его светел и весел,
За ним вся корсунская следует знать,
И руку спешит он царевне подать,
И в пояс поклон ей отвесил.

19

И шествуют рядом друг с другом они,
В одеждах блестящих и длинных,
Каменья оплечий горят как огни,
Идут под навесом шелковым, в тени,
К собору, вдоль улиц старинных.

20

И молвит, там голову князь преклоня:
«Клянуса я в вашем синклите
Дружить Византии от этого дня!
Крестите ж, отцы-иереи, меня,
Да, чур, по уставу крестите!»

21

Свершился в соборе крещенья обряд,
Свершился обряд обвенчанья,
Идет со княгиней Владимир назад,
Вдоль улиц старинных, до светлых палат,
Кругом их толпы ликование.

22

Сидят за честным они рядом столом,
И вот, когда звон отзвонили,
Владимир взял чашу с хиосским вином:
«Хочу, чтоб меня поминали добром
Шурья Константин да Василий:

23

То правда ль, я слышал, замкнули Босфор
Дружины какого-то Фоки?8»
«Воистину правда!» – отвечает двор.
«Но кто ж этот Фока?» – «Мятежник и вор!»
«Отделать его на все боки!»

24

Отделали русские Фоку как раз;
Цари Константин и Василий
По целой империи пишут приказ:
«Владимир-де нас от гибели спас –
Его чтоб все люди честили!»

25

И князь говорит: «Я построю вам храм
На память, что здесь я крестился,
А город Корсунь возвращаю я вам
И выкуп обратно всецело отдам –
Зане9 я душою смирился!»

26

Застольный гремит, заливаясь, хор,
Шипучие пенятся вина,
Веселием блещет Владимира взор,

И строить готовится новый собор
Крещеная с князем дружина.

27

Привозится яшма водой и гужом,
И мрамор привозится белый,
И быстро господень возносится дом,
И ярко на поле горят золотом
Иконы мусийского дела10.

28

И взапуски князя синклит и сенат,
И сколько там греков ни случилось,
Всю зиму пирами честят да честят,
Но молвит Владимир: «Пора мне назад,
По Киеве мне встосковалось!

29

Вы, отроки-друзи, спускайте ладьи,
Трубите дружине к отбою!
Кленовые весла берите свои –
Уж в Киеве, чаю, поют соловьи
И в рощах запахло весною!

30

Весна, мне неведомых полная сил,
И в сердце моем зеленеет!
Что нудую я и насильем добыл,
Чем сам овладеть я оружием мнил,
То мною всесильно владеет!

31

Спускайте ж ладьи, бо11 и ночью и днем
Я гласу немолчному внемлю:
Велит он в краю нам не мешкать чужом,
Да свет, озаряющий нас, мы внесем
Торжественно в русскую землю!»

Часть вторая

1

По лону днепровских сияющих вод,
Где, праздная жизни отраду,
Весной все гремит, и цветет, и поет,
Владимир с дружиной обратно плывет
Ко стольному Киеву-граду.

2

Все звонкое птаство летает кругом,
Ликуючи в тысячу глоток,
А князь многодумным поникнул челом,
Свершился в могучей душе перелом –
И взор его мирен и кроток.

3

Забыла княгиня и слезы и страх;
Одеждой алмазной блистая,
Глядит она с юным весельем в очах,
Как много пестреет цветов в камышах,
Как плещется лебедей стая.

4

Как рощи навстречу несутся ладьям,
Как берег проносится мимо,
И, лик наклоня к зеркальным водам,
Глядит, как ее отражается там
Из камней цветных диадима.

5

Великое слово корсунцам храня,
Князь не взя с них денег повинных,
Но город поднес ему, в честь того дня,
Из бронзы коринфской четыре коня
И статуй немало старинных.

6

И кони, и белые статуи тут,

Над поездом выся громаду,
Стоймя на ладьях, неподвижны, плывут,
И волны Днепра их, дивуясь, несут
Ко стольному Киеву-граду.

7

Плывет и священства и дьяконства хор
С ладьею Владимира рядом;
Для Киева синий покинув Босфор,
Они оглашают днепровский простор
Уставным демественным ладом¹².

8

Когда ж умолкает священный канон,
Запев зачинают дружины,
И с разных кругом раздаются сторон
Заветные песни минувших времен
И дней богатырских былины.

9

Так вверх по Днепру, по широкой реке,
Плывут их ладей вереницы,
И вот перед ними, по левой руке,
Все выше и выше растет вдалеке
Град Киев с горой Щековицей.

10

Владимир с княжого седалища встал,
Прервалось весельщиков пенье,
И миг тишины и молчанья настал –
И князю, в сознании новых начал,
Открылось новое зренье:

11

Как сон, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда господня,
И брызнули слезы впервые из глаз,
И мнится Владимиру: в первый он раз

Свой город увидел сегодня.

12

Народ, издалека их поезд узнав,
Столпился на берег – и много,
Скитавшихся робко без крова и прав,
Пришло христиан из пещер и дубрав,
И славят спасителя бога.

13

И пал на дружину Владимира взор:
«Вам, други, доселе со мною
Стяжали победы лишь меч да топор,
Но время настало, и мы с этих пор
Сильны еще силой иною!

14

Что смутно в душе мне сказалось моей,
То ясно вы ныне познайте:
Дни правды дороже воинственных дней!
Гребите же, други, гребите сильней,
На весла дружной налегайте!»

15

Вскипела, под полозом пенясь, вода,
Отхлынув, о берег забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Передние в пристань вбежали суда,
И с шумом упали ветрила.

16

И на берег вышел, душой возрожден,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внес он закон –
– Дела стародавних, далеких времен,
Преданья невянущей славы!

1. Перун (слав. миф.) – бог грома и молнии.
2. Велес (слав. миф.) – бог скотоводства и плодородия.
3. Рогнеда – жена Владимира, дочь полоцкого князя Рогволода.
4. Херсонес (или Корсунь) – греческая, римская, а затем византийская колония недалеко от теперешнего Севастополя; с III–IV вв. один из крупных центров христианства.
5. Вертоград – сад.
6. Причт – духовенство какой-нибудь церкви или прихода, клир.
7. Стихарь – одежда, надеваемая духовенством при богослужении.
8. Дружины какого-то Фоки. – Речь идет о восстании, поднятом в 987 г. одним из представителей феодальной знати Вардой Фокой. Он провозгласил себя императором, овладел почти всей Малой Азией и подошел к самому Константинополю. Василий и Константин обратились за помощью к Владимиру, и в 989 г. восстание было подавлено.
9. Зане – так как, потому что.
10. Иконы мусийского дела. – Мусия – мозаика.
11. Бо – ибо.
12. Демественным ладом. – Демественное пение – вид церковного пенья.
13. Полоз – здесь: киль судна.

ТЕМА №8

Православные легенды о княжне Ольге

(Н. А. Бруни

Святая великая княгиня Ольга)

Княгиня *О́льга* (др.-сканд. *Helga*), в крещении — *Елена* (около 893 — 969) — княгиня, правившая Киевской Русью с 945 до 960 года в качестве регента при малолетнем сыне Святославе, после гибели её мужа, киевского князя Игоря Рюриковича. Первая из правителей Руси, которая приняла христианство, святая равноапостольная Русской православной церкви; её память празднуется 11 (24) июля шестеричным богослужением и в Соборах Киевских, Псковских и Волынских святых.

Спустя примерно 140 лет после её смерти древнерусский летописец так выразил отношение к первому правителю Руси, принявшему крещение: Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи.

Брак и начало правления княгини Ольги

По «Повести временных лет» Вещий Олег женил Игоря Рюриковича, начавшего самостоятельно править с 912 года, на

Ольге в 903 году, то есть когда ей уже исполнилось 12 лет[19]. Дата эта подвергается сомнению, так как, согласно Ипатьевскому списку той же «Повести», их сын Святослав родился только в 942 году.

Возможно, чтобы разрешить это противоречие, поздние. Устюжская летопись и Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского сообщают о десятилетнем возрасте Ольги на момент свадьбы. Данное сообщение противоречит легенде, изложенной в Степенной книге (вторая половина XVI века), о случайной встрече с Игорем на переправе под Псковом. Князь охотился в тех местах. Переправляясь через реку на лодке, он заметил, что перевозчиком была юная девушка. Игорь тотчас же «разгорѣся желаніемъ» и стал приставать к ней, однако получил в ответ достойную отповедь:

Зачем смущаешь меня, княже, нескромными словами? Пусть я молода и незнатна, и одна здесь, но знай: лучше для меня броситься в реку, чем стерпеть поругание.

О случайном знакомстве Игорь вспомнил, когда пришло время искать себе невесту, и послал Олега за полюбившейся девушкой, не желая никакой другой жены.

Новгородская Первая летопись младшего извода, которая содержит в наиболее неизменном виде сведения из Начального свода XI века, оставляет сообщение о женитьбе Игоря на Ольге не датированным, то есть самые ранние древнерусские летописцы не имели сведений о дате свадьбы. Вполне вероятно, что 903 год в тексте ПВЛ возник в более позднее время, когда монах Нестор пытался привести начальную древнерусскую историю в хронологический порядок. После свадьбы имя Ольги упоминается в очередной раз только через 40 лет, в русско-византийском договоре 944 года.

Согласно летописи, в 945 году князь Игорь погибает от рук древлян после неоднократного взимания с них дани. Наследнику престола Святославу тогда было только три года, поэтому

фактическим правителем Руси в 945 году стала Ольга. Дружина Игоря подчинилась ей, признав Ольгу представителем законного наследника престола. Решительный образ действий княгини в отношении древлян также мог склонить дружинников в её пользу.

Месть древлянам княгини Ольги древлянам

«Мщение Ольги против идолов древлянских». Гравюра Ф. А. Бруни, 1839

Древляне после убийства Игоря прислали к его вдове Ольге сватов звать её замуж за своего князя Мала. Княгиня последовательно расправилась со старейшинами древлян, а затем привела к покорности их народ. Древнерусский летописец подробно излагает месть Ольги за смерть мужа:

Первая месть

Сваты, 20 древлян, прибыли в ладье, которую киевляне отнесли и бросили в глубокую яму на дворе терема Ольги. Сватов-послов закопали живьём вместе с ладьёй.

И, склонившись к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Горше нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их. »

Вторая месть

(Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV век)

Вторая месть Ольги древлянам

Ольга попросила для уважения прислать к ней новых послов из лучших мужей, что и было с охотой исполнено древлянами. Посольство из знатных древлян сожгли в бане, пока те мылись, готовясь к встрече с княгиней.

Третья месть

Княгиня с небольшой дружиной приехала в земли древлян, чтобы по обычаю справить тризну на могиле мужа. Опоив во

время тризны древлян, Ольга велела рубить их. Летопись сообщает о пяти тысячах перебитых древлян.

Четвёртая месть

Четвёртая месть Ольги древлянам. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV век.

В 946 году Ольга вышла с войском в поход на древлян. По Новгородской Первой летописи киевская дружина победила древлян в бою. Ольга прошла по Древлянской земле, установила дани и налоги, после чего вернулась в Киев. В Повести временных лет (ПВЛ) летописец сделал врезку в текст Начального свода об осаде древлянской столицы Искоростеня (ныне украинский город Коростень). По ПВЛ после безуспешной осады в течение лета Ольга сожгла город с помощью птиц, к ногам которых велела привязать зажжённую паклю с серой. Часть защитников Искоростеня была перебита, остальные покорились. Схожая легенда о сожжении города с помощью птиц излагается также Саксоном Грамматиком (XII век) в его компиляции устных датских преданий о подвигах викингов и скальдом Снорри Стурлусоном и фольклорном сказании о Гутрум, который якобы таким способом взял Сайренсестер в Уэссексе.

После расправы с древлянами Ольга стала править Русью до совершеннолетия Святослава, но и после этого она оставалась фактической правительницей, так как её сын большую часть времени проводил в военных походах и не уделял внимания управлению государством. Княгиня Ольга положила начало каменному градостроительству на Руси (первые каменные здания Киева — городской дворец и загородный терем Ольги), со вниманием относилась к благоустройству подвластных Киеву земель — новгородских, псковских, расположенных вдоль реки Десна и др.

Поэтическое «Сказание о Святой равноапостольной Великой Княгине Русской Ольге» основано исключительно на исторических фактах, изложенных летописцами древней Руси и историками более поздних времён. Однако в летописных свидетельствах о Святой Ольге немало хронологических неточностей и загадок. Эти загадки и неточности можно объяснить, видимо, тем, что Ольга как личность попала в поле зрения летописцев лишь после убийства древлянами в 945 году Великого Князя Игоря, своего супруга, взяв на себя труд княжеского правления, и проявила себя при этом «не как женщина, но как сильный и разумный муж, твёрдо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов», — как сказано об этом в «Житие святых» Дмитрия Ростовского.

С достоверной точностью известно, что преставилась Святая Ольга 11 июля 969 года (по старому стилю).

Однако год рождения Святой Ольги мы знаем лишь предположительно: 893-й или 894-й.

Сына Святослава, наследника княжеской власти, Великая Княгиня Ольга родила примерно в 942-943г. При этом Ольге было уже около 49 лет. Рождались ли у неё и Игоря дети до рождения Святослава, или же Святослав был первым и единственным ребёнком Ольги и Игоря, — мы не знаем, ибо всё это осталось за рамками истории.

В год смерти Великого Князя Игоря – Ольге было примерно 52 года.

С достоверной точностью не известен и год крещения Великой Княгини Ольги. Разные источники утверждают разное: 954г.; 9 сентября 955г.; 957г. и др. Следовательно, крещение было принято Ольгой примерно в возрасте 58-60 лет.

Скончалась же Ольга в возрасте примерно 76-ти лет, а канонизирована (причислена к лику святых) на соборе 1547 года, который подтвердил повсеместное почитание её на Руси ещё в домонгольскую эпоху. Мощи её были обретены нетленными при Святом Князе Владимире, её внуке, который и положил их в Десятинном храме Успения Пресвятой Богородицы. Это был первый случай открытия мощей на Руси, целивших одержимых болезнями и наполнявших радостью верующих. Так и по кончине Святая Ольга проповедовала вечную жизнь и воскресение.

Святая равноапостольная Ольга стала духовной матерью русского народа. Через неё началось просвещение Руси светом Христовой веры.

День памяти Святой равноапостольной Великой Княгини Русской Ольги отмечается ежегодно 24 июля по новому стилю.

(О.Н.Шарко)

Ольга Николаевна Шарко

«СКАЗАНИЕ О СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ РУССКОЙ ОЛЬГЕ»

По веленью сердца свыше, Божьей волею,
глядя в тусклое зеркало* древних записей,
сей строкой, – любовью к Родине рифмованной, –
будем славу петь Княгине: за труд княжеский:

труд п р а в л е н и я, с у м о м в Р о с с и ю в л о ж е н н ы й:
неожиданно-решительно: стоически!
Славу п е т ь в о ш е д ш е й п е р в о й в ц а р с т в о Б о ж и е
о т Р у с и, – т о г д а в о в с ё м е щ ё я з ы ч е с к о й.
И п о с м е р т н о з а Р о с с и ю О л ь г а м о л и т с я.
 В о з д а ё т Р о с с и я О л ь г е – в е ч н о й с л а в о ю!
...Н и з к о е й, р а в н о а п о с т о л ь н о й, п о к л о н и м с я:
 ч т о н е в ы р о н и л а С к и п е т р * с Д е р ж а в о ю!

Глава первая

...П и ш е т Н е с т о р * - л е т о п и с е ц, п о в е с т в у я н а м,
 к а к «о т к у д а е с т ь п о ш л а» з е м л я в с я Р у с с к а я;
 к а к т р и в з р о с л ы х с ы н а Н о я: И а ф е т, С и м, Х а м, –
 п е р е ж и в п о т о п В с е м и р н ы й, ж р е б и й б р о с и л и.
 Б р о с и в ж р е б и й, р а з д е л и л и з е м л ю н а т р о и х
 и р е ш и л и «в д о л ю б р а т а» в о в с е «н е в с т у п а т ь»:
 к а ж д ы й ж и л в с в о е й л и ш ь ч а с т и. И г р а н и ц з е м н ы х
 н е м е н я л и т о ж е б р а т ь я: ж р е б и й л и м е н я т ь!

Н а з е м л е п о с л е п о т о п н о й с р а д у г о й * ж и в о й
 б ы л о д и н н а р о д: е д и н ы й, – и о д и н я з ы к.
 И у м н о ж и л о с ь н а р о д у, к а к т р а в ы в е с н о й.
 И о д н а ж д ы в т о м н а р о д е з а м ы с е л в о з н и к:
 «С о т в о р и м м ы с т о л п д о н е б а в п о л е С е н н а А р.
 И е щ ё п о с т р о и м д и в н ы й г о р о д В а в и л о н *.
 Б у д е т с л а в н о н а ш е и м я, в р о в е н ь н е б е с а м.
 И н е б у д е т в ы ш е с л а в ы с р е д и в с е х и м ё н».
...С к а ж д ы м г о д о м с т о л п в с ё в ы ш е о т з e м л и в з р а с т а л...
 С о р о к л е т в с ё с т р о я т... – с т р о я т... Ц е л ы х с о р о к л е т!..
 А к о н ц а с е м у н е в и д н о... И Г о с п о д ь с к а з а л:
 «Н е с в е р ш и т ь с я э т о й б а ш н е н и к о г д а в о в е к!»
 И Г о с п о д ь р а з р у ш и л б а ш н ю; и в е с ь т о т н а р о д

разделил на семь десятков и ещё на два:
всё – со всем – во всём смешалось!.. И вот речь течёт...–
но!.. у каждого народа – речь теперь с в о я.

И рассеялись народы те по всей земле,
говоря на непонятных, чуждых языках...

И возникли так славяне; и пришли к реке:

и осели по Дунаю в разных городах.

И размножились славяне о т п р и ш е д ш и х т е х,
и прозвались именами от своих же мест:

серб, хорват, моравы, лутич, поморян и чех...

...И на Днепр пришли: селились по Днепру окрест...

*Вера их была язычной, то есть племенной.

Многобожие царило в племенах славян.

Было всех богов – двенадцать: миром и войной,
и дождём, и скотоводством правил и д о л* там.

Но особо почитался – солнца светлый бог.

Да и он не назывался именем одним:

звался солнца бог: ЯрИло, ХОрос и ДаждьБоГ...

...У славян тогда всё было р а з н о п л е м е н н ы м...

Но явил Господь на землю Сына Своего.

И учил Христос-Спаситель Чистоте, Любви.

И – распяли!.. Не поверив. Не приняв Его.

Но апостолы* по миру весть Любви несли...

В землях скифских и славянских веру нёс Андрей.

П е р в о з в а н н ы м был он назван, так как п е р в ы м был:

первым шёл за Иисусом в мудрости речей;

у ч е н и к Х р и с т а был первый; сам учил – как жил.

...И прошёл путём он водным с Новагорода...

И донёс до ВалаАма* – веру славную:

проповедовал Любовь Завета Нового
и крестил славян он в веру православную...
Это было в первом веке.

И с тех пор жило
христианство в наших предках: верил – кто хотел.
Но языческие боги – «делали» своё:
бог войны Перун был в силе: «правил» – как умел.
«Око» мстилось вражьи́м «оком» по числу обид:
воздавалось за обиду мстителем – сполна!
А поскольку Справедливость с Местью не дружи́т, –
то тем мщеньям и обидам не было конца...

Глава вторая

...Удивительна Российская история!..

Племена славян, уставши от усобицы*,
по совету Гостомысла*, – доброй волею, –
не умея меж собою жить в законности, –
в восемьсот шестьдесят втором году отправились
бить челом* варЯгам-рУси* на княжение...
С той поры – три брата-князя – ими правили:
*СинеУс, ТрувОр и РЮорик, – все с дружинами.
Чрез два года Синеус с Трувором померли, –
и три области слились в одну епархию*:
Рюрик, – старший брат, – взял в руки власть верховную...

Основал варяг князь Рюрик Русь-монархию.

...Княжил он единовластно в Новгороде:
покорял, приумножал и завоёвывал.
Принимая власть, он клялся богу Одину*:
к н я ж а , д е й с т в о в а т ь : воюя земли новые...

Так прошло пятнадцать лет, – и он преставился,
малолетнего оставив сына Игоря
на Олега*... Скоро князь Олег прославился, –
побеждая для Руси с разумной выгодой.

(Игорь Рюрикович князю был племянником;
а Олег – был дядей – Игорю: по матери.)

...Подчинял Олег Руси всё новых данников*.
Становилась Русь всё крепче, всё влиятельней...

...И пришёл Олег с дружиной к граду Киеву,
и узнал, что *Щек, Хорив и Кий уж померли,
и теперь – *Аскольд и Дир сим градом правили,
и поляне их княжением довольные.
И сказал Олег своим одноземельникам:
«Вы, Аскольд и Дир – варяги были славные.
Вот поступок мой и слово вам, изменникам:
вы не Князи! – по закону – над славянами!
Вот он, Игорь: Князь-наследник рода Рюрика!
А пока он мал, я – Князь!» ...И вот убиты уж...
И воссел Олег с тех пор во граде Киеве.

Справедливо, мудро княжил сей отважный муж.

В девятьсот седьмом году пошёл на греков Князь, –
и вернулся из похода победителем.

Византия - откупилась: гривнами* спаслась, –
и подписан договор был Русью выгодный.

Уходя, Олег повесил свой – Олегов! – щит
над воротами града-Царь Константинополя:
«В знак победы мощи русской пусть сей щит висит!

*Не преграда нам ни цепи, ни акрополи!...»

И с тех пор Олега люди Вещим стали звать,
преклонясь пред мудро-княжеским предвиденьем.

...А наследник... не стремился Русью управлять, –
хоть давно уж по годам мог быть правителем...
И женил Олег – Князь-Игоря на девице:
благонравной, умной, в строгости воспитанной.
На неё Олег рассчитывал, надеялся:
есть советница и друг теперь у Игоря!

(...Говорят про Ольгу летописи – разное:
неизвестно нам её происхождение:
то ль была она и впрямь княжной болгарскою,
то ль она... из Пскова родом... – Всё сомнения.
Говорят, что сам Олег ей это имя дал.
Имя «Ольга» переводится «свещенная».
Знать и впрямь Олег был Вещим: стало – как сказал:
через Ольгу и пришло на Русь крещение).

...Тридцать лет три года княжа в граде Кieve,
Вещий Князь-Олег дружил со всеми странами.
Вот и дикие древляне* стали смиренными
и в уплате дани ревностно исправными.

...И пришла золотая осень к берегам Днепра:
расцвятилась жёлтым, красным и оранжевым.
Уж седые усы Олега, голова седа, –
но по-прежнему он первый! меж отважными...
И вдруг вспомнилось Олегу-Князю Вещему,
как в ответ кудесник молвил: «...Кто ты – знаю я:
ты известен, Князь, и конному, и пешему...

...От коня умрёшь: что носит вот сейчас тебя...»
Те слова запали в душу, и сказал Олег:
«Не седлать его совсем мне: больше – н и к о г д а!
Но велю кормить и холить – сытно, лучше всех:
ибо конь служил мне верно, преданно... – всегда...»

...С той поры, как конь сменился – шёл уж пятый год.
И призвал Олег от конюхов старейшину:
«Где мой конь? Здоров ли? скачет?.. Сытно ли живёт?
Так ли резв, как был? Красив ли он по-прежнему?»
И ответил конюх: «Умер»... И сказал Олег:
«Вот и верь волхвам!.. Не право говорят волхвы!
Конь уж умер, – а я жив! Гляди: живее всех!»
И спросил: «Скажи, где кости он сложил свои?..»
И приехал Князь на место, где конь верный пал:
кости голые белеют... Череп да земля...
И ступил Олег на череп и, смеясь, сказал:
«От костей ли сих погибнуть должен смертью я?!»
Вдруг!.. из черепа скользнула чёрная змея
и, ужалив Князя в ногу, лентой скрылась с глаз...
Разболелся Князь и умер...
Вышло: о т к о н я.

...А народ стенал и плакал, – Русь слезой лилась...

Глава третья

Игорь Рюрикович* власть приял – опасную:
ибо знала Русь правителей – великих лишь!
Коли слаб держать бразды* правленья царские, –
на престоле на Российском вряд ли усидишь!
Править Русью Игорь стал уж в зрелом возрасте.

...Год за годом – два – прошло его княжением.
 Вновь древляне воротились к прежней вольности:
 отказались дань платить: с неуважением:
 «Что нам Киев-град? Что Игорь ваш? – не Князь он нам!
 До седых волос прожил за Вещим-дядькою!
 И на рать он не ходил, и меч-то не держал:
 лишь охотился да кашу кушал сладкую!..»

И пошёл с дружиной Игорь... Усмирил древлян.
 И примучил новой данью, ещё БОльшую:
 поспешал сказать: «Меч в руки – мне – О л е г о в дан!
 Подчиняйтесь, как и прежде: ...по-хорошему!»

*А потом - он управлялся - с печенегами.
 *А потом пошёл на греков, – да пришёл разбит.
 И опять пошёл... На сей раз – был с победою:
 доказал, что на престоле крепко он сидит!
 Правда, греки – не воюя!.. – предложили дань:
 обещали даже БОльшую, чем Вещему!..
 И созвал дружину Игорь: «Воевать ли нам?»
 И ответили ему: «Дары обещаны.
 Не на суше мы: на море. Кто с о в е т е н с ним?
 Не земля под нами, а... пучина чёрная.
 Не известно: победят ли нас... – мы ль победим?
 Без войны дают дары, – чего ж нам более?»

...А тем временем Княгиня сына родила.
 Рад наследнику Князь Игорь: просиял звездой!
 И Великая Княгиня радостью цвела:
 Святослав-младенец крепок и хорош собой!..

...Через время – в год, что следом – заключён был мир.
 Русский Князь Великий чтит послов - торжественно:
 на холме священном клялся, где стоит кумир:
 клялся в дружбе Цареграду, став одесную*.
 *И вои, к ногам Перуна положив мечи
 и щиты свои, и злато со знамёнами, –

тоже клялись - вслед за Князем - не поднять руки
на Царьград... Варяги были и крещёными:
христиане присягали в церкви Илии;
целовали крест в знак мира, Бога славили;
*и, с Великими Царями «обновляя мир», –
были рады: «вопреки сей мир Дьяволу!..»

...День за днём ещё год минул: как вода в песок.

Позлатила снова осень клёны да дубы.

И пришла дружина к Князю: «Нынче дани срок!

*Поведи нас в дань, Князь Игорь, чтоб разжились мы.

Вон: СвенЕльдова дружина, что собирает дань:

и оружием богата, и одеждою.

Мы ж – вои Велиkokняжьи, а наги, Князь: глянь!..»

И роптали Князю Игорю с надеждою...

И, отправив воеводу по другим местам,

снарядился Князь Великий - дань с древлян собирать:

ближе всех, богаче всех древляне. Князь их, Мал,

...недоволен был на Киев, но... не смел не дать.

И собрали дань куницами да белками,

и медами, и другой лесной добычею:

воском, дёгтем и дичиной крупной-мелкою;

и скотом домашним всяким... – по обычаю.

И с излишком взяли даже. И пошли в свой град...

Далеко ушли, богатой дани радуясь...

Да надумал Игорь... - вновь поворотить назад:

говорят, «корыстен» очень был Великий Князь... –

если верить летописцу... Только может быть,

не за данью повернул он: по другим делам:

мог, – по возрасту рассеян, – дело позабыть,

а свершить то было важно, – и вернулся сам.

...Повелел дружине Игорь дань везти домой,

взяв лишь отроков* с собою частью малою...

Как увидели древляне их тропой лесной,

то сказали: «Вновь за данью!.. Не пожалуем.
Коль повадился волк в стадо – всех овец сожрёт!
Коли будет жив Князь Игорь, – то погубит нас.
Нам теперь момент удобный: без воёв идёт!..
И – ...убили: меж верхушек был привязан Князь, –
и опущены до неба были деревья!..
...Растерзалось тело Князя - наДвое!.. - в куски...
Окропилась алой кровью жёлтая листва...
...Схоронили Князя - тут же: где густы кусты...

Глава четвёртая

...Ждёт-пождёт Княгиня Ольга мужа в Киеве:
уж давно вернуться б должно... Где Великий Князь?
Не случилось кабы худа: словно сгнули!
...И не спит ночами Ольга: вся уж извелась...
Вот, гордясь убийством Князя – как победою,
презирая малолетство Святославово,
вероломству своему и дальше следуя, –
вздумал Мал, Древлянский князь, владеть Державою.
И отправили древляне в Киев-град послов.
А числом их было – двадцать: сколь вошло в ладью.
Те поплыли, приосанясь, в качестве сватов:
по велению, по теченью, по реке Днепру...

И пришли к Княгине Ольге от древлян послы.
Шевельнулось сердце, чувствуя недоброе.
И сказала Ольга: «...Гости добрые пришли», –
а подумала: «Не змеи ль подколенные?»
И сказали так древляне: «Игорь твой убит.
Меж деревьями разорван... За грабительство.
Аки волк нас Игорь грабил... Нынче ж - ...будет сыт.
Погубило Князя хищное правительство.

Но Древлянский князь наш – добр великодушием.
Будь супругой князя Мала. Мал – силён. Пригож.
Что вдоветь тебе? Найти ль супруга лучшего!...»
...И сказала Ольга... с лаской: «Мужа... не вернёшь...
Мне приятны речи ваши: будете ...в честИ.
Подождите лишь до завтра. А придут вас звать, –
отвечайте, что велите - вас в ладье нести
и великими сватами Мала величать».
И ушли послы к ладье... А им уж снедь несут:
фаршированных ягнят кашей гречневой
и другие княжьи яства... И меды текут,
и играет пиво в чашах... «Эка встречены! –
похваляясь меж собою, речь вели послы. –
Какова же будет завтра превелика честь!
Возвеличимся, как князи, грецкие цари!
...А и право: будет завтра лень с ладьи-то слезть!...»
А пока во славу Мала в ковш меды лились, –
в теремном дворе копалась яма каждому...
Велика была та яма: жутко глянуть вниз!
Ох, черна сыра-земля: черна по-страшному...
И пришли к послам наутро, чтоб к Княгине звать.
Говорят: «Уже идите. Ждут для чести вас». –
«Не пойдём мы», – отвечают. «Аль коней подать?» –
«Не пойдём и не поедем. Понесите нас!...»
Киевляне ж отвечали: «Подневольны мы.
Князя Игоря уж нету. А Княгиня нам
повелела ...угождать вам, Маловы сваты.
Что поделать? Понесём уж: коли честь вся вам».
*И, взвалив ладью на плечи, к Ольге понесли.
...И сидели, избоченясь, важно, как цари;
и, гордясь, в народ глядели Маловы сваты...
Как вдруг... в яму полетели с той ладьёй они!..
Застонали, испугались, закричав, послы:

возопили вверх, отчаясь: «Не губите нас!
Мы-то что? Всего лишь только Маловы сваты!
Мы – всего-то! – ноги-руки. Голова-то – князь!»
И приникла Ольга к яме, посмотрела вниз:
нет в ней радости от мести, нет в ней торжества.
Лишь сказала, наклонившись: «Хороша ли честь?» –
и решительно от края ямы отошла.
«Хуже Игоревой смерти нам!» – кричали ей.
...Полетела в яму сверху комьями земля...
Постепенно крики смолкли... В тяжкой тишине
только заступ носит землю... Сровнены края.

...Поскакал гонец от Ольги в Искоростень-град*:
главный град земли Древлянской, где всем правит Мал.
Поклонился Малу в ноги, как смиренный раб
и слова Княгини Ольги – для древлян сказал:
«Коли вправду вы хотите, чтоб за Мала шла,
то сватами мне пришлите – лучших! – вы мужей:
кем гордится, процветает Древская земля.
А без почестей великих – непристало мне.
Так хотят все киевляне». – «Только-т и всего!?!»
И отправили древляне л у ч ш и х в стольный град:
чай, почётно да велико княжье сватовство!
Каждый избранный древлянин – чести этой рад.
И, не мешкая, собрались знатные сваты
в путь-дорогу: одевались в лучший свой наряд;
златом-серебром блестя... – повезли дары
для Княгини Русской Ольги в стольный Киев-град...

...Запылились-притомились, – чести ждут сваты.
Их же – банею встречают: по обычаю.
«...Мойтесь, гости дорогие: парьтесь от души!
Чай, не пробовали баньку-то столичную!..»

Стали баниться древляне...

(Лишь они вошли, –
как закрылась дверь входная вслед им нАмертво!)

...И ту баню, и древлян всех – в бане той - ...сожгли:
и никто из них не выскочил из пламени...

...Скачет вновь гонец от Ольги в Искоростень-град
со словами: «Вот иду к вам. Будем пить меду.
Прежде, чем вступить как дОлжно мне в повторный брак, –
еду Игора оплакать: как велят волхвы.
Наварите-приготовьте множество медов.
Завезите всё для тризны на могильный холм».

И послушались древляне сих обычных слов.

И к приезду Ольги – лес тот ...уж народом полн.

...И сошла Княгиня Ольга с белого коня,
и в своих одеждах чёрных на могильный холм, –
как подкошенная! – пала: «Мать сыра-земля,
спит в тебе мой ясный сокол: спит уж с давних пор...»
...Долго Ольга причитала. Все устали ждать.
Наконец, слезу отёрла шёлковым платком, –
и тотчас курган великий стали насыпать:
столь великий – сколько горя было скрыто в нём...

...А дружина-то Княгини – смирна да мала:

только отроки безусы угождают ей.

Вот она слегка кивнула, знак им подавала, –
и настало время тризне: веселись да пей!..

И спросили Ольгу: где, мол, наши-то послы?

Отвечала Ольга: «Ваши? – ...позже подойдут.

Всем теперь - весьма довольны - Маловы сваты:
в купе – с Игоря дружиной – не спеша идут...»
Стали пить меды древляне, как велит СимАргл*:
полагалось веселиться после похорон:
веселились – всем народом: кто был юн, кто стар...
А когда все опьянели... – там и здесь: всё стон!
Посекли мечами пьяных: тысяч – п я т ь! – легло.
Потекли ручьи кровавы – да рекой слились.
...Только мужа воскресить-то... нет: не помогло:
«Спи спокойно, Князь Великий... да меня дождись...»

Воротилась Ольга в Киев. А как минул год*, –
собрала воёв отважных усмирять древлян.
Пуще прежнего воинствен деревской народ!
Говорят промеж собою: «Не простится нам.
Будем насмерть отбиваться! ...Всё равно казнит.
Дабы было неповадно впредь и всем другим
воевать престол законный: ох, сполна отмстит!.. –
если в битве с Киев-градом мы не победим».

Святославу шёл четвёртый - от рожденья - год.
И когда сошлись два войска, – малый Святослав
как Великий Князь Российский выехал вперёд, –
и в древлян ручонкой детской с а м копьё послал.
И к ноге коня упало длинное копьё,
пролетевши меж ушами доброго коня...
«Князь уж начал! – крикнул Асмуд*. – Вслед за ним пойдём!
Начинай, дружина, биться!.. – жизни не щади!...»

И разбито было войско дрогнувших древлян, –
и они позатворились в городах своих,
и спасались за стенАми все от киевлян;

и винулись перед Ольгой: чтоб простила их...

...Устремилась Ольга с войском в Искоростень-град.
Горожане трепетали: Игорь был убит –
и х р у к а м и!.. Не открыли городских ей врат;
крепко бились, затворившись: зная: н е п р о с т и т!..
...Так всё лето - ...простояли у высоких стен:
как дружина ни старалась – не могла град взять.

...Солнце всходит и заходит, ночь сменяет день...
Но уйти «ни с чем» Княгине... – слабость показать!
И послала Ольга к граду, и сказала так:
«Затворились вы надёжно. Только... дальше – ч т о?
Не пополните запасов вы съестных – н и к а к.
Все от голода умрёте: все – до одного.
...Города другие ваши – уж давно сдальсь;
обязались – Киев-граду дань в казну платить, –
и возделывают нивы, и течёт их жизнь
мирно, сытно и счастливо, – как и дОлжно быть».
Отвечали ей: «Мы рады заплатить бы дань.
Да ведь ты же хочешь мстить нам: ты пришла – убить».
И сказала Ольга: «Мстила – я уж трижды! вам
за обиду мужа. Больше уж не буду мстить...
Накажу вас только данью: дайте – и уйду.
И помирися на этом». – «Что же хочешь ты?
Рады дать мехА и мёду». – «Это – не возьму.
А возьму ...совсем немного: перья да хвосты.
Каждый двор столицы вашей – пусть отловит мне
по три голубя, а также – по три воробья.
И тогда – уйду я утром в Киев-град к себе:
уж давно заждался Киев: задержалась я».

В тот же день древляне дали Ольге этих птиц:

по три голубя – с поклоном! – по три воробья, –
не скрывая удивлённых странной данью лиц:
не платили воробьями дани никогда!..

...Раздала Княгиня Ольга птиц своим воям, –
и на лапку каждой птице был привязан трут*.
И пустили птиц на волю, по своим дворам:
пусть труты – «огнём горяща!» – по домам несут!

...Солнце красное в закате, – птицу ждёт гнездо.
Разлетелись, взвившись, птицы по дворам своим...

...Запылала голубятни, крыши!.. Пламя жгло
сеновалы и конюшни... Всюду крик да дым.
И пылал в ночи весь город, как большой костёр.
И бежали от пожара – все: и стар, и мал...
И хватала всех дружина, – Ольгин план хитёр!
Так и взят был, наконец-то, князь Древлянский Мал.
Часть с т а р е й ш и н – с князем Малом! – осудив на смерть,
часть другую – Ольга в рабство отдала воям;
прочих – данью обложила тяжкой: дабы впредь
никогда не угрожали Киевским Князьям.

...И объехала Княгиня земли всех древлян
вместе с юным Святославом и дружиною.
И везде установила им у р о к на дань*;
и введён п о р я д о к с б о р о в был Княгинею.
...Город Искоростень должен дань платить в т р о й н е:
в Киев-град – две части, третью – в город ВВШгород.
(Этот город живописный на реке Днепре
Ольге в дар был дан Олегом – к свадьбе с Игорем).

Показав всем мощь и силу, учредив налог,

наведя порядок должный в Деревской земле,
воротилась Ольга в Киев: Святослав-сынок
весь поход был неотлучно и всегда при ней...

*Через год, оставив сына в граде Киеве,
Ольга в Новгород пошла: пеклась* о Будущем.
И везде, где шла, – Великою Княгинию
*установлены погосты и становища...
(Государству Ольгой сделано – н у ж н е й ш е е.
Знаки мудрости её и попечения
даже через полтора ста лет (!..) усерднейше
*береглись во славу О л ь ж и н а радения).
Утвердив в стране порядок, учредивши дань,
воротилась Ольга в Киев на княжение.
И в любви растила сына, – и Княгини длань*
мудро княжила, держа бразды правления...

Глава пятая

...И пошли, и побежали день за днём года...
Год за годом подрастая, Святослав мужал.
И любил народ Княгиню за её дела:
справедливость Ольги княжью – каждый уважал...

...Глядя в тусклое зеркало древних записей,
нам – увы! – не разглядеть в нём – дней течения:
ибо скудны оказались эти кладези:
нет! великой жажде Знания – утоления:
ч т о с п о д в и г л о Ольгу – в веру православную?
Сколько выстрадало сердце? – ч е м ей плакалось?
Что в Душе произошло большого: главного? –
и когда – ...к Христу дорога обозначилась?

Может быть... древляне?.. ею убиенные, –
и по женской мести, и по государственной! –
утопили Душу в бездны сокровенные, –
и Любовь к Христу Душа признала царственной...

К Богу нет дорог, заранее проложенных!

Путь Души – у каждой! – свой: всегда – чрез – тернии.
И идёт Душа путём, никем не хоженным:
очищаясь и легчая: вере – верная.

...Размышляла Ольга много: для чего живём?

Для того ли, чтобы пищей стать земным червям?
Почему на свет родимся? Почему – умрём?
А когда умрём – что дальше?.. Что ждёт Душу т а м ?
И не раз ей вспоминалось, как Аскольд и Дир, –
поклонявшиеся только богу Одину, –
на Царьград пошли с войною... Обрели же – м и р :
и с Христом вернулись в сердце к новой родине.

Ну, а было-то всё вот как...

И Аскольд, и Дир
вместе с Рюриком пришли, с его дружиною.

Но... – ушли они от Князя: повидать ли мир,
то ль – рассорились, и Новгород покинули.
И отправились варяги – счастья, что ль? – искать:
вроде б, как в Константинополь путь держали свой:
то ль служить хотели грекам, то ли – воевать;
а, быть может – (мы ...не знаем!..) – цель была иной.
Но... – пришли они к Днепру. И вот увидели
городок, что называли люди Киевом.
И узнали, что давно в нём нет правителей.

А живут в нём люди – все миролюбивые
да хозарам платят дань, чтоб их не трогали...
Завладевши городком с норманнской дерзостью,
и сманив других варягов с Новагорода, –
стали властвовать Аскольд и Дир в сей местности –
как российские государИ великие:
помышляли – покорить себе Царьград! войной.
...На двухстах судах – от Киева отплытие –
состоялось... И прошли они сей путь морской:
по Днепру судами плыли к морю Чёрному;
морем шли в Воспор Фракийский (нынешний Босфор), –
и пришло для Византии ...время чёрное:
знать-не знали раньше греки Русь до этих пор!
...Содрогнулась Византия: смерть, огонь, разбой!.. –
берега опустошались – неминуемо...
И вошли судами в гавань Дир и с ним Аскольд, –
осадив Константинополь с моря синего...

А царил тогда в Царьграде эдакий «Нерон»:
Михаилом Третьим звался. Он в походе был:
с агарянами* воюя, – царь был извещён,
что ужасный неприятель из Руси приплыл.
И, увидев мощь варягов, устранился он:
нет такой у греков силы, чтоб врага сразить!
И спасти могло лишь... чудо: ч т о за страшный сон!?.
...И просили Богоматерь – город защитить...
В славной церкви во Влахернской* Фотий-патриарх
взял хранившуюся ризу Богоматери
и – с торжественным обрядом!.. – нёс её в руках,
опустив её с молитвой в волны гавани...
Море синее, – спокойное и тихое, –
помрачнело, чёрной бездною насупилось;
и пришла большая буря – грозно-дикая!.. –

и, громадой волн ревя, на флот обрушилась!..
Разметала корабли, как щепки, с яростью:
истретила флот варяжский, проглотив суда! –
и... тотчас же улеглось сапфирной яркостью,
и волной лизать лениво стало берега...

...Уцелело от двух сотен – несколько судов.

Эти жалкие остатки в Киев и пришли...

...Дир с Аскольдом отказались ото всех богов, –
и святое христианство в сердце привезли...

С малых лет искала Ольга вящей* мудрости,
и умом одарена была – с щедротами:
дальновидность* помножалась прозорливостью*,
любомудрие – духовными заботами.

В государственных делах – как сильный муж тверда;
по душе своей – сильна благочестивостью*:
щедродательна к убогим, нищим; и добра
к своему народу: правдою и милостью;
исполняла быстро просьбы справедливые...

Пребывая во вдовстве, вела жизнь чистую:
целомудренность, воздержанность Княгинины –
окружали Ольгу – светом и лучистостью...

Во второй раз выйти замуж – не хотелось ей:
соблюдала Ольга сыну власть княжения;
в сердце Ольги – есть лишь Игорь: нет других Князей!

... А ещё – просилось сердце – во крещение.

От столичных христиан познались Ольгою
все священные законы Православия:
и Душе открылись истины премногие, –
и Душа её – с а м а! – Христа восславила!..

... И отправилась Княгиня с флотом в Цареград,

и крещенье приняла в столице греческой.
Но совсем не однозначной миссия была:
государственной была: дипломатической.
Высочайше патриарх Константинопольский*
совершил над Ольгой – таинство Крещения.
В честь Небесной покровительницы Ольгиной
стали звать Княгиню русскую – Еленую*.
Патриарх благословил новорождённую,
Крест Святой из Древа Господа в руках держа...
И был принят Крест Княгиней Благоверною.
*Крест надписан: «Обновися Русская земля...»

Ольгин Крест был из Креста Животворящего
цельно вырезан, – и Ольгой привезён на Русь.
Привезла она иконы настоящие
и, конечно, книги тоже: вот бесценный груз!..

... Возмужал Князь Святослав: достиг дней возраста.
Передавши сыну власть, бразды правления, –
начала Святая Ольга труд апостольский,
предалась она делам благотворения...
И несла Святая Ольга светоч Истины,
просветленье в души, Божье откровение*;
проповедовала Ольга веру истово*:
так, что многие восприняли крещение...

Ольгой было на Руси тогда положено
почитание – особенное – Троицы.

Храм Святой Софии, в Киеве заложенный, –
по радению Блаженной Ольги строился.

Над могилою Аскольда был воздвигнут храм, –

первым князем-православным в Киеве был он! –
храм Святого Николая: истой веры дань...
Без вины Олегом Вещим был он умерщвлён...

...Говорила Ольга сыну: «Святослав, сынок!
Восприми в своё ты сердце веру христиан.
Есть ОдИн над всеми нами: Вседержитель-Бог.
Бог нам – Троицей Святою и Любовью дан...»
Отвечал ей Святослав: «Могу ль креститься я,
коль дружина вся моя в Перуна верует!?.
Надо мной смеяться будут все мои друзья...» –
«Коль ты крестишься – они тебе последуют...»

... Святослав не слушал Ольги: «уши затыкал».
А порою и сердился, сдерживая гнев!..
Но другим – не возбранял он; и не поощрял.
И крестились - без препятствий, если кто хотел...

... В земли Киевские, Псковские Святая шла, –
и апостолам Христа – была в том р а в н а я.
Только... это – «капля в море!..» Понимала. Да:
целиком вся Русь должна быть Православная!

... И опять просила сына: «Ты – Великий Князь.
Коль т ы сделаешь – то все тебе последуют!..»
Но... душа Князь-Святослава крепко заперлась.
И скорбило сердце Ольги – беды ведая...
И говаривала Ольга: «...Воля Божия!
Если Сам Господь захочет Русь помиловать
и моих потомков, – б у д е т в сердце вложена
вера истинная, непоколебимая...»

*...Подрастали трое внуков: Ярополк, Олег
и Владимир, сын Малуши, ключницы простой:

был единственным Владимир, – младшенький из всех, –
чья душа была едина с Ольгиной душой:
он – единственный, кто Ольге был готов внимать,
принимая сердцем детским Истины Христа...
И упало семя веры, чтобы всходы дать:
хоть с трудами и не сразу вера проросла...

Глава шестая

...Святослав – по духу воин! – храбростью пылал:
думал он лишь о победах, подвигах в боях;
он хотел, чтоб с прежней силой! русский меч сверкал:
как – т о было при Олеге! – в воинских делах.

Словно быстрый ловкий пАрдус* он вынослив был.

Он легко ходил в походах, много воевал;
не тащил с собой повозок, мяса не варил:
на углях зверину жарил; без шатра он спал...
И все воины – такими ж были, как и он.
Никогда не нападал он – не предупредив;
ибо рыцарски был честен, гордости был полн:
*объявлял войну словами: «Я иду на вы!»

...И – фактически – Святая Ольга княжила...

Уж не раз просила сына Киев не бросать:
много дел и на Руси – великокняжеских!
*Но... ушёл Князь Святослав: «болгаров воевать»...

А тем временем, узнавши, что Великий Князь
на Дунай ушёл с дружиной покорять болгар, –
*печенеги чёрной тучей, Князя не страшась,
осадили Киев: может – разве что... комар! –
стены города покинуть! А живой душе –

это просто невозможно. ...Хорошо, что весть
о набеге печенегов послана уже.
Но... когда? её получит храбрый русский Князь?..
А в той вести говорилось: «Княже Святослав!
Для чужих земель – оставил ты врагам – с в о ю.
Под угрозой печенегов стонет Киев-град.
Поспешай: спасай столицу и свою семью...»

...Все три внука были с Ольгой... Помощи ж – всё нет!
Уж запасы истощились, кончилась вода...
И глядит уже, оскалась, прямо в очи смерть...

...Приоткрылись – и закрылись Киева врата...
Из ворот же – вышел отрок с конскою уздой
и пошёл, – как так и надо, – через стан врага.
Говоря по-печенежски, спрашивал: «...конь мой...
Не видал ли кто из вас тут рыжего коня?»
И прошёл он без препятствий к берегу Днепра.
И, одежду быстро скинув, через Днепр поплыл...
Спохватились печенеги: началась стрельба!..
Только отрок тот... плыл быстро: далеко уж был.

На другом же берегу - стоял с дружиною
воевода Претич, – только... было мало их:
и ничем не мог помочь он граду Киеву, –
хоть и жалко воеводе киевлян своих...
И, увидев, что плывёт к ним киевский храбрец, –
быстро выслал он ладью навстречу отроку;
и в ладью его подняли: «Экий молодец!..»

...И глядел на то с прищуром Претич под руку...

...Рассказал им отрок: «Завтра будет впущен враг.

Завтра Киев будет отдан на грабёж-разбой.
Защитите хоть Княгиню с внуками!..» – «Но как?!.
Нас-то... мал о... Ох-х!..» – качает Претич головой...
Порешили ж так, однако: «Князь вернётся ведь:
Святослав... не приголубит, коли не спасём!
Пусть уж бьют нас печенеги: так и так – всё смерть...
Завтра утром, как забрезжит, – на ладьях пойдём...»

Миновала ночь, – и близок утренний рассвет.
Вся дружина разместилась в нескольких ладьях.
Затрубили громко в трубы: нам преград, мол, нет!!!
И в ответ раздались крики в киевских стенах!..
Печенеги, испугавшись, что вернулся Князь,
разбежались врассыпную, прячась кто куда!..
...Солнца луч упал на землю... – Днепр течёт, струясь...
Словно здесь и не стояло войско никогда!

Вышла Ольга без боязни с внуками к ладьям.
И другие киевляне вышли все к Днепру.
Говорили: «Ай да Претич! Разогнал всех сам!..»
И смеялись, и ладонью гладили ладью...

Малочисленность их видя, печенежский князь
подошёл сам к воеводе и спросил его:
«Что за войско в этих лодках? Ты – не сам ли Князь?» –
«Святослав вот-вот здесь будет. Я – лишь муж его.
Мой отряд вперёд Князь выслал, чтобы возвестить,
что идёт с несметным войском Святослав домой».
Печенег сказал на это: «О-о-о... Давай дружить!»
И ответил Претич: «Ладно. Вот подарок мой...»
И, подав друг другу руки, новые друзья
обменялись тут дарами «со своих же плеч»:
печенег дал воеводе саблю и коня;

воевода печенегу – щит, кольчугу, меч...

...Отступили печенеги. Да ведь... не ушли!

Неизвестно: что бы случилось, если б Святослав со Свенельдом-воеводой тут не подошли, силой грозной печенегов далеко прогнав...

...Обнимал Князь Святослав детей своих и мать!

Ведь представить даже страшно: что могло бы быть!

...Как отцу и сыну рады! Как не целовать!?.

...И остался Князь Великий в Киев-граде жить...

Но... прошло не больше года, – Святослав сказал:

«Жить хочу в Переяславце: на Дунай пойду.

Там – земли моей середина... Киев – скучный стал.

Там же – блага отовсюду: всё туда везут.

Греки – золото и вина, шёлковую ткань;

чехи, венгры – для торговли – серебро, коней;

из Руси – меха, воск, дёготь... В с ё! – из разных стран.

Там столицу надо делать – там и место мне!»

Отвечала сыну Ольга: «Видишь – я стара.

Уж немного мне осталось на земном пути.

Чую, скоро призовет к Себе Господь меня.

Погреби меня, как должно, – уж потом иди...»

...И три дня она молилась, к Богу вознося

православные молитвы о земле родной;

всех святых молила Ольга, об одном прося:

чтобы Русь прониклась Светом Веры, Чистотой...

*...Умерла Святая Ольга на четвёртый день.

(Но тогда ещё не знали с в я т о с т и её).

Все великим плачем горьким плакали по ней...

И священник православный отпевал её...
Много лет спустя, Владимир – Святослава сын –
перенёс святые мощи в Десятинный храм:
и открылось: что – н е т л е н н ы, что – с в я т Ы они!
И – впервые! – Русь познала Божьи чудеса.

Глава седьмая

...И прошло с тех пор два года, – и пришла весна.

*На днепровские пороги вышел Святослав:
шёл на Киев... А дружина – численно мала,
и слабы её остатки: каждый отошал.
(Возвращаясь из похода с множеством добра,
Святослав решил, что лучше – перезимовать:
в БелобЕрежье: на устье зимнего Днепра, –
где пришлось терпеть им холод, часто голодать).

...Обступили печенеги их со всех сторон.

Началось кровопролитье: силы – не равны...
Святослав-Князь пал в сей битве: насмерть был сражён...
Кто в живых остался – в Киев весть-печаль несли:
отрубили Святославу голову враги.
И хотели печенеги – чЕрепа его:
жёлтым золотом оковали и, вина налив,
по рукам передавали, пили из него...

*Ольгин внук – Владимир-Князь – Святым не сразу стал.

Длинно шёл он по путям, Перуном ведомых:
много крови он – невинной даже! – проливал
и кумиров устанавливал серебряных.
Долго он о новой вере – и не помышлял:
долго жил он в темноте, служа язычеству;
был он мстителем свирепым, много воевал;
сластолюбом был, и был братоубийцею.

...Стал слепым он, – и крестился. И, крещась, п р о щ ё н.
И очистился крещеньем, скверну сняв с души:
и – п р о з р е л !.. Прозрел Духовно и телесно он.

...И вся Русь вослед крестилась: «Господи, спаси!..»

*...Ликовало всё и пело в сей великий День.
И восторгам сердца в День тот – не было конца!
Снизошла на Русь – святая Божеская сень*, –
и молитвой православной славит Русь Творца!..

И – сбылись! – раденья Ольги для земель Руси.
Ольга, – Русский корень веры и Начальница, –
и сейчас! творит молитвы Господу: «Спаси!..»
И в сей час за нас Святая Ольга молится,
просит Господа о милости и благодати...
Воздаётся ей народом русским – Славою! –
за величие Души Великокняжеской:
что не выронила Скипетр с Державою!

ТЕМА № 9

А.К. Толстой

Граф Алексѣй Константинович Толстой (24 августа [5 сентября] 1817, Санкт-Петербург — 28 сентября [10 октября] 1875, село Красный Рог, Мглинский уезд) — русский писатель, поэт и драматург, переводчик, сатирик из рода Толстых. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

(Портрет Алексея Толстого кисти И.Е. Репина)

Произведение «Упырь»

«Упырь» написан частично под влиянием повести «Вампир» Джона Уильяма Полидори, которая была опубликована в русском переводе в Москве в 1828 году. С «Вампиром» Д. У. Полидори «Упырь» Толстого связывает только один сюжетный ход — завязка в обоих произведениях происходит на светском приёме. Ещё в конце 1830-х Толстой написал на подобную тему рассказ «Семья вурдалака», который оставался в рукописи и был опубликован после смерти автора.

Источником вдохновения для повести стали воспоминания Толстого о его пребывании в итальянском городе Комо в 1838 году. Он писал об этом жене в апреле 1872 года, отмечая виллу Ремонди, девушку по имени Пепина и другие детали.

Впервые Толстой прочитал «Упыря» 9 апреля 1841 года у Владимира Соллогуба, где в числе слушателей повести были В. А. Жуковский и В. Ф. Одоевский. Примерно в то же

время и в том же кругу М. Ю. Лермонтов читал свой мистический отрывок «Штосс».

11 мая 1841 года Толстой направил рукопись цензору А. В. Никитенко и через четыре дня получил разрешение на издание повести.

Готическая повесть начинается с описания бала, на котором присутствует Александр Руневский. Молодой человек знакомится на балу со странным юношей с сединой – Рыбаренко. Этот чужак делится удивлением от нахождения на балу упырей. Он указывает на бригадиршу Сугробину и чиновника Теляева как на упырей, которых давно схоронили.

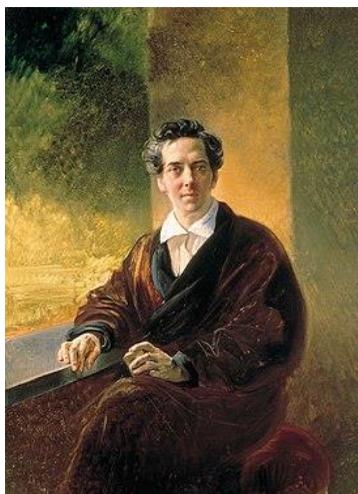
«Сюжет повести напоминает русскую матрёшку, одна история вкладывается в другую, а в неё третья». Во время бала дворянину Руневскому бросается в глаза «человек, по-видимому, ещё молодой, но бледный и почти совершенно седой...» Его седина — результат невольного общения с нечистой (аналогия с гоголевским Хомой в «Вие»). Тот сетует, что на бал пришло несколько «беспокойных покойников, на похоронах которых он недавно присутствовал, но которые с удивительной наглостью притворяются живыми, чтобы продолжить свою давнишнюю профессию — сосать кровь из молодых людей и девиц». Он же поясняет Руневскому, как среди гостей определить упыря: «Заметьте только, как они, встречаясь друг с другом, щёлкают языком. Это по-настоящему не щёлканье, а звук, похожий на тот, который производят губами, когда сосут апельсин. Это их условный знак, и так они друг друга узнают и приветствуют». Этот же незнакомец, Рыбаренко, позднее рассказывает историю, произошедшую с ним в Италии. История преподносится таким образом, чтобы читатель сам решил, в самом ли деле присутствующие на балу — упыри или же это плод помешательства главного героя.

В сюжете можно выделить три самостоятельные линии, где главными действующими лицами выступают представители разных поколений семьи Островичей: линия Марфа — Амвросий,

линия Прасковья Андреевна — Пьетро д'Урджина и линия Даша — Руневский. Эти линии представляют собой историю проклятия старинной венгерской семьи Островичей.

Отсутствие объективной оценки повествования предлагает читателю выбор среди трёх точек зрения: первой — все события, происходящие с героем, можно объяснить логически (Владимир); второй — абсолютная вера в ирреальное (Рыбаренко); третьей — истинность существования потусторонних сил не может быть однозначно установлена (Руневский).

ТЕМА №10

А. Погорельский

К. П. Брюллов

Портрет писателя Антония Погорельского. 1836

Алексей Алексеевич Перовский (псевдоним Антоний Погорельский; 1787, Москва — 21 июля 1836, Варшава) — русский

писатель, член Российской академии (1829). Брат государственных деятелей графов Л. А. и В. А. Перовских, дядя Алексея Толстого и братьев Алексея и Владимира Жемчужниковых.

Рассказ «Пагубные последствия необузданного воображения»

Романтическая ситуация, когда юноша-аристократ влюбляется в прелестную дочь плебея, возвысившегося своим искусством до сомнительной чести увеселять господ, использована в повести А. Погорельского.

Мотив кукольности, искусственности, автоматизма позволяет точно установить источник сюжета, выбранного А. Погорельским. Это повесть Гофмана «Песочный человек». Погорельский повторяет (причём намеренно) сюжетные ходы немецкого писателя, изменяя не только характеры героев, но и всю манеру повествования. Если у Гофмана доминирует чудесное, то Погорельский невероятное превращает в повседневность.

Краткое содержание

"Пагубные последствия необузданного воображения" (1828) - повесть А. Погорельского, которая вошла в его роман "Двойник". В ней рассказывается романтическая история молодого юноши из аристократического рода, который в новой, незнакомой обстановке влюбляется в прелестную молчаливую девушку.

"Любовь зла - полюбишь и..."

В ней рассказывается романтическая история молодого юноши из аристократического рода, который в новой, незнакомой обстановке влюбляется в прелестную молчаливую девушку. И его воображение приписывает ей все мыслимые и немыслимые черты. Впрочем, ее движения изысканны, ее головка мила - как можно не влюбиться?

Но в то же время сам рассказ поразил меня теми догадками,

прозрениями, который вслед за повестью Гофмана "Песочный человек" (пока не читал, может, позже...) повторяет сюжетные ходы. И даже не сюжетные ходы... а... не хочется раскрывать всю интригу, но... скажем так, написанное в XIX веке вполне могло бы быть актуальным для века XXI - XXII (если тенденции развития пойдут по тому же пути, что идут сейчас).

Сам рассказ изобилует стилистическими особенностями, построением фраз, которые то завораживают, то заставляют по несколько раз перечитывать их, чтобы вникнуть.

В мае 17** года предпринял я путешествие в Германию с молодым графом N..., которого отправил туда отец для окончательного учения в славном Лейпцигском университете. Наши родители служили долгое время вместе на поле чести и сохранили тесную связь дружбы в преклонных летах; а потому я не мог отказать в неотступной просьбе старому графу...

- Взгляните и признайтесь, что вы никогда не видели подобного ангела!

Глаза мои быстро последовали направлению его перста; я увидел сидящую у окна девушку и в самом деле изумился! Никогда даже воображению моему не представлялась такая красавица. Гриммская улица не широка, и я мог рассмотреть все черты прелестного лица ее. Черные волосы небрежными кудрями упали на плеча, белые, как карарский мрамор. Ангельская невинность блистала в ее взорах.

- Умный! умный! - прервал меня с некоторою досадою Двойник. - Да можете ли вы в точности определить, что такое умный человек? и разве никогда не случалось вам видеть, что люди, слышущие в свете умными, делают такие глупости, которые непροстительны были бы дуракам?

«Лафертовская маковница»

(Ведьма гадала на картах и кофейной гуще. Её прозвали маковницей, потому что она торговала маковыми лепёшками. Часто

дети не понимают значения этого слова, поэтому всегда следует им объяснять его значение и сразу предупреждать, что в слове «маковница» ударение падает на первый слог).

Краткое содержание

Действие происходит в последние годы XVIII века в Лафертовской, или Лефортовской, части Москвы, у Проломной заставы, где живёт в своём доме восьмидесятилетняя «маковница» — торговка маковыми лепёшками. Однако «этот промысел старушки служил только личиною, прикрывавшею совсем иное ремесло», — гадание по ночам и общение с нечистыми силами.

Соседи жили в страхе могущества колдуньи и боялись ей прекословить. Один только её племянник, бедный почтальон Онуфрич, не поддавшись на уговоры своей жадной до богатства жены Ивановны, осмелился посоветовать старухе покаяться и отказаться от дьявольских наваждений. В ответ «губы её посинели, глаза налились кровью, нос громко начал стучаться об бороду» — старуха выставила Онуфрича из дома и прервала общение с его семейством.

Через несколько лет Ивановна стала подыскивать жениха для своей дочки Машеньки. Поскольку никто не хотел свататься к бесприданнице, она тайком привела дочь к богатой старухе и помирилась с ней. Следующей ночью Маша пришла к бабушке для выбора суженого. Та наколдовала ей жениха и повесила на шею ключ от сундука со своими сокровищами, однако место, где они хранятся, не открыла:

Придёт жених, назначенный тебе тою силою, которая управляет большею частию браков. Он научит тебя той науке, которая помогла мне накопить себе клад; общими вашими силами он нарастет ещё вдвое, — и прах мой будет покоен.

В скором времени старушки не стало, причём в ночь её

смерти, по словам будочника, «с самого Введенского кладбища прыгающие по земле огоньки длинными рядами тянулись к её дому и, доходя до калитки, один за другим, как будто проскакивая под неё, исчезали». Машенька к тому времени тайком засматривалась на молодого купца Ульяна, время от времени проходившего мимо её окон, но подчинилась решению родителей переехать в освободившийся после смерти бабушки лафертовский дом.

В новом жилище Ивановне и Маше стал мерещиться призрак старухи. Ночью Маше казалось, что «холодная рука гладила её по лицу», что привидение маковницы и её чёрный кот подзывали её к колодцу на дворе. На другой день явился и жених — титулярный советник Аристарх Фалелеич Мурлыкин, который «с приятностью выгибал круглую свою спину» и «умильно на неё поглядывал, почти совсем зажмутив глаза».

Машеньке открылось, что это не кто иной, как принявший человеческий облик чёрный кот покойной старухи, пропавший куда-то после её смерти. Она наотрез отказалась идти замуж за бабушкиного фамильяра, чем сильно огорчила родителей.

Маша смотрела из окна и видела, как Аристарх Фалелеич сошел с лестницы и, тихо передвигая ноги, удалился; но, дошед до конца дома, он вдруг повернул за угол и пустился бежать как стрела. Большая соседская собака с громким лаем во всю прыть кинулась за ним, однако не могла его догнать.

Маша в сердцах выбросила ключ от ведьмовских сокровищ в колодец, куда за ним бросился и чёрный кот. Тем временем отец подыскал ей другого жениха — сына своего старого друга, разбогатевшего на подрядах. Этим женихом оказался её суженый Ульян. В то время, пока молодожёны пировали на свадьбе, в лафертовском доме провалился потолок и сам он разрушился.

ТЕМА №11

Никола́й Петро́вич Бруси́лов (30 сентября 1782 — 9 мая 1849) — русский писатель, издатель, Вологодский губернатор. Родился в селе Скуратово (ныне — в Выгоничском районе, Брянская область), сын секунд-майора. В 1790 году поступил в Пажеский корпус, откуда, в 1796 году, не пройдя полного курса, был выпущен поручиком в армию в московский гренадерский полк. С 1798 года служил в различных правительственных учреждениях.

Повесть «Легковерие и хитрость»

Краткое содержание

«Эраст был знатен, богат и молод; ум, воспитание, любезность в обществе, сердце доброе, чувствительное делали его одним из первых молодых людей столицы. Живучи в лучшем кругу людей, он имел в виду много выгодных партий: всякая мать желала иметь зятя, подобного Эрасту, всякая девица отдала бы охотно ему руку и сердце, от него зависело быть совершенно счастливым; но романизм его удалял от мыслей такие союзы. Ему хотелось иметь жену, воспитанную не в вихре городской жизни, но в сельской простоте, столь же невинную, кроткую, как и сама природа...».

Эраст был знатен, богат и молод; ум, воспитание, любезность в обществе, сердце доброе, чувствительное делали его одним из первых молодых людей столицы. Живучи в лучшем кругу людей, он имел в виду много выгодных партий: всякая мать желала иметь зятя, подобного Эрасту, всякая девица отдала бы охотно ему руку и сердце, от него зависело быть совершенно счастливым; но романизм его удалял от мыслей такие союзы. Ему хотелось иметь жену, воспитанную не в вихре городской жизни, но в сельской простоте, столь же невинную, кроткую, как и сама природа.

Эраст поехал в деревню и был столько счастлив, что нашел все эти качества в Эмилии, дочери одного очень небогатого дворянина. Природа (говоря языком романистов) ничего не могла создать лучше. Прекрасный стан, черные огненные глаза, а более всего любезность Эмилии пленили Эраста. Он открыл ей страсть свою, невинная Эмилия не скрывала пред ним чувств своих, и невольное люблю вырвалось из ее сердца.

Первые дни супружества были непрерывные восторги. Эраст никогда не наслаждался с таким удовольствием жизнью, никогда не воссылал к богу таких искренних благодарений. В объятиях нежной Эмилии он наслаждался тем счастьем, которое многим кажется химерою, счастьем, неизвестным для людей, которых союзом был интерес, а не любовь.

Весна и лето прошли неприметно для молодых супругов. Наконец настала осень. Листья опали, трава пожелтела, цветы увяли; что делать в деревне? Эраст, живший всегда в городе, в первый раз еще наслаждался приятностями сельской жизни. Любовь заглушила на время мысль о городских удовольствиях; но с переменою времени Эраст переменил свои мысли. Угрюмый вид полей не утешал его, ему хотелось быть опять в городе, может быть, по привычке к рассеянной жизни, а может быть, и тщеславие побуждало его показать свету Эмилию.

Эраст сказал о своем намерении жене своей – Эмилия, хотя и с сожалением, согласилась на его желание, и чрез неделю молодые супруги были уже в М-е.

В числе многих приятелей Эраст имел одного друга (по крайней мере, он так думал), они жили и воспитывались вместе; но характеры их были совершенно различны. Сколько Эраст был добр, столько Эдмон был коварен и хитер. Он знал слабую сторону своего друга и, пользуясь его легковерием, умел совершенно овладеть его умом и извлекать для себя пользу. Эраст стремился к одной добродетели. Эдмон предпочитал всему интерес, Эраст, менее проницательный по свойству добрых душ, видел в Эдмоне одну только добрую сторону и любил его от чистого

сердца, Эдмон любил его потому, что находил в том свои выгоды.

Приехав в М-у, первое старание Эраста было видеть Эдмона. Он обнял его со всею горячностью истинной дружбы.

– Мой друг, – сказал он, – наконец я тебя вижу! Мне при-
скорбна была разлука с тобою; но ангел красоты и добродетели
утешал меня.

– Радуюсь, мой друг, радуюсь, – отвечал Эдмон, – хотя и жа-
лею о том, что другой заступит в сердце твоём место, которое я
занимал прежде.

– Нет, нет! – сказал с жаром Эраст. – Сердце мое будет де-
литься между любовью и дружбою, они составят счастье моей
жизни!

Назавтра Эдмон был представлен Эмилии. Эраст, сидя за сто-
лом между женою и Эдмоном, с чувством сказал:

– Как тот счастлив, кто имеет друга верного и жену любез-
ную! Слезы сердечного удовольствия навернулись на его глазах,
и эти слезы были первые, которые он пролил после своей же-
нитьбы.

Всякий день друзья были вместе, всякий день более и более
утверждалась связь любви и дружбы. Эраст и Эмилия не предви-
дели бури, которая скоро должна была грянуть над их головами
и разрушить их блаженство.

Эдмон, которому имя друга давало право быть всякий день у
Эмили и Эраста, Эдмон, столь же сластолюбивый, сколь и ко-
варный, с первого дня еще почувствовал страсть к Эмили и не
только не старался обуздать оной, но твердо положил под личи-
ною дружбы достигнуть своей цели и разрушить счастье супру-
гов. Ежедневные примеры доказывали ему любовь Эмили к
Эрасту, ее невинность и добродетель, но, имев порочное сердце,
мог ли Эдмон верить добродетели? Воспитанный без правил, без
веры, без чести, предположив цель, он жертвовал всем для дости-
жения оной. Спокойствие людей почитал безделкой, счастье су-
пругов – химерой. Некоторые удачи в интригах с женщинами,
ему подобными, утвердили его в пагубной мысли, что верность

не есть удел женщин. Бывая ежедневно у Эраста, он более пленялся Эмилией. Сто раз хотел открыть ей страсть свою, и всегда невинный вид Эмилиии его удерживал. Он удивлялся своей робости. «Неужели, – думал он, – эта провинциалка будет противиться стрелам моего искусства в интригах, когда и славнейшие кокетки не могли противостоять им? Нынче же решу эту неизвестность...» С твердым уверением садился он в карету, скакал к Эмилиии – один взгляд ангельской невинности его обезоруживал.

Есть люди, в которых препятствия не только не ослабляют, но еще умножают желания. Таков был Эдмон. Самая трудность победы превратила желания его в сильнейшую страсть. Скоро не мог уже он провести дня без Эмилиии. При всей своей хитрости, при покрове дружбы страсть сия так живо изображалась во всяком слове, во всяком взгляде, во всех чертах лица Эдмона, что Эраст с малейшим проницанием мог бы открыть сию тайну; но он везде там видел дружбу, где действовала одна страсть. Скоро отсутствие Эдмона сделалось заметно в свете, ибо по общей превратности вещей там скорее заметят отсутствие интригана, нежели доброго человека. Где девался Эдмон? Он не был на бале, в концерте? – Эдмон извинялся, как мог, и все минуты посвящал Эмилиии.

Однажды Эраст был отозван обедать. Эмилиия осталась дома. Эраст, уезжая, просил друга своего разделить с нею время. Эта минута подала надежду Эдмону, он с радостью принял предложение.

Оставшись с Эмилией один, он решился открыть ей страсть свою, ему оставалось только выбрать способ. Самым лучшим казалось ему то, чтобы поселить неприметно ревность в сердце Эмилиии, охладить любовь ее к мужу и потом... Но скоро ли можно ожидать плодов от сего умысла? И мог ли равнодушно ожидать их Эдмон! Притом же, если они объяснятся? Если узнает Эраст вероломство мнимого друга? Эта мысль неприметно вовлекла Эдмона в глубокую задумчивость. Он сидел, потупив глаза, и молчал.

– Я долго смотрю на вас, – сказала, наконец, Эмилия, – какая причина вашей задумчивости? Даже я замечаю, что вы с некоторого времени совершенно переменились?

– Ах, Эмилия! Если бы вы знали, в какое замешательство приводит меня ваш вопрос!

– Вы меня удивляете, Эдмон. Простите меня, я не думала вас огорчить.

– Огорчить? Ах, нет! Клянусь вам, нет! Огорчения может иметь счастливый; но человека, привыкшего к несчастью, ничто уже огорчить не может и слезы, мука для счастливых, есть блаженство для несчастного.

– Bravo! – сказала шутя Эмилия, – давно ли вы имеете такие романические мысли, Эдмон? Эту счастливую идею я советовала бы вам поместить в первом романе, который вы будете, конечно, теперь писать, или в тихую, майскую ночь проговорить ее спутнице несчастных – луне!

– Шутите, Эмилия, шутите над моею горестью.

– Но что же, если смею спросить, причиною вашей тайной горести?

– Одно ложное на себя упование, – отвечал Эдмон. – Ах, Эмилия! Я прежде много полагался на свое равнодушие, я не знал, что есть случаи, в которых человек не властен в чувствах своих. Я думал, что рассудок может управлять сердцем; но теперь вижу, что рассудок есть раб страстей.

– Что такое?

– Эмилия! Не спрашивайте меня. Я сказал, может быть, больше, нежели должно.

– Эдмон! Я вас не понимаю!

– Эмилия! Эта минута для меня драгоценна! Я хотел скрыть в сердце моем ту тайну, которая против воли моей излилась сама собою. Эмилия! – продолжал Эдмон, взяв ее за руку. – Эмилия! Я люблю... жизнь или смерть, решите теперь.

– Боже мой! Эдмон! Что вы делаете?

– Нет, божественная женщина! Клянусь, что я не встану с коленей до тех пор, покуда не услышу своего приговора.

– Эдмон, – сказала Эмилия, – вы меня обижаете. Я не ожидала, чтоб разговор наш кончился таким странным образом. Простите меня, если скажу вам, что я думала найти более добродетели в друге моего мужа. Встаньте, говорю вам, и оставьте меня в покое.

Эдмон с ужасом выслушал Эмилию. Уже он воображал все следствия пагубной своей неосторожности. Одна секунда – и все бы погибло; но он вдруг призвал на помощь адское коварство и, скрыв в глубине сердца весь стыд и злобу, овладевшую им, вскопчил и с торжественным видом сказал Эмилии:

– Ангел добродетели! Теперь знаю всю цену счастья Эраста, сейчас бегу сказать ему.

– Что такое? – спросила с беспокойством Эмилия.

– Эмилия! – сказал Эдмон, – простите моему притворству. Я вас почитаю, но страсть моя есть выдумка.

– Выдумка?

– Так, Эраст уговорил меня сыграть эту комедию. Признаюсь, я с трудом согласился на его желание.

– Эраст мог сомневаться в моей добродетели? – сказала с удивлением Эмилия.

– Нет, нет, Эмилия! Эраст... не думайте... но я сам не знаю, что говорю... Я так рад... Так восхищен... Я еду к нему... Прошу вас, заклинаю, не говорить ему ни слова. Чрез несколько времени мы найдем случай отплатить ему.

Эдмон поцеловал руку Эмили и вышел, не дав времени ей опомниться. Весь яд злобы разлился по жилам его, когда он ехал домой. Мщение истребило любовь в сердце его, и он положил отместить Эмили, хотя бы то стоило самой его жизни.

Эмилия не знала, должно ли ей было верить словам Эдмона. «Эраст мог сомневаться в моей верности, – думала она, – быть не может! Но неужели Эдмон обманщик? Его радость, его восхищение не могут быть следствием отказа. Итак, Эраст предал меня

испытанию человека постороннего? Должно ли мне говорить ему об этом?»

Следствием сих размышлений было то, что Эмилия решилась не говорить ни слова Эрасту и ожидать, что он скажет; а как Эраст молчал, то Эмилия и обвиняла его в душе своей. Будучи нежна и чувствительна, мнимый поступок мужа не истребил в ней любви, но сделал ее задумчивою и рассеял природную ее веселость. Одно слово Эмилии – и все бы могло объясниться; но оскорбленное самолюбие одно вопияло в сердце и препятствовало ей входить в объяснение.

Эраст, любя Эмилию и признавая в душе своей себя совершенно невинным, сокрушался о ее холодности. Несколько раз просил он сказать причину такой перемены. Слезы были обыкновенным ее ответом. Эраст, не могши ничего узнать от жены своей, прибегнул к посредству другого и открыл Эдмону горесть свою. Эдмон только того и ожидал.

– Мой друг, – сказал он с притворным соболезнованием, – мой друг, это натурально. Эмилия молода, хороша, мудрено ли, что она сделалась задумчивою? Может быть, кто-нибудь нашел путь к ее сердцу. Посмотри прилежнее, и ты найдешь причину ее тайной горести.

– Нет, нет, Эдмон! Грусть Эмилии должна происходить от другой причины. Я знаю ее чувства. Ты был всегда мало уверен в добродетели женщин; но Эмилия не такова: она добродетельна.

– Не спорю, мой друг, – сказал Эдмон, – но женщина всегда женщина, то есть творение непостоянное, слабое. Несчастлив тот, кто много надеется на женское сердце, эта крепость сдается на капитуляцию первому счастливцу.

– Эдмон, ты обижаешь ее, я не простил бы тебе, если бы не знал всегдашнего образа твоих мыслей.

– Прибавь, справедливое, – сказал Эдмон, – ибо в этом случае, зная хорошо женщин, я не могу ошибаться.

– Согласен; но Эмилия?..

– Эльвира или Эмилия – все равно. От госпожи и до служанки, – продолжал Эдмон, – все женщины имеют одно в предмете: нравиться. Разумеется, что одеваются и румянятся не для мужей. Самая пламенная страсть в брачном союзе превращается в холодную дружбу. Для дружбы не нужно ни румян, ни бриллиантов. Монтань говорит, что друг мне мил для того, что он – он, я ему мил потому, что я – я. Напротив, женщины одеваются для того, чтобы привлечь внимание.

– О! Уже ты слишком строг, – сказал Эраст.

– Ничуть, – продолжал Эдмон, – это истина. Сперва женщине захочется быть любезною в обществе, а там привлечь особенно чье-либо внимание, а там... и не увидишь, как любовь вкрадется в сердце, а там...

– Нет, мой друг, нет! – сказал Эраст, – ты говоришь все о женщинах обыкновенных, но Эмилия?..

– Согласен, – отвечал Эдмон, – что Эмилия не похожа на обыкновенных женщин; но это самое может родить желание победить ее. Та победа приятнее, которая труднее. Женщину также много побеждает привычка. Если бы я был женат и жена моя была всякий день вместе с молодым, любезным человеком, каков, например, Милон...

– Милон? – спросил с удивлением Эраст.

– Да, если бы, говорю...

– Эдмон! – сказал Эраст, – это делается для меня непонятно: говори яснее или молчи.

– Мой друг, – сказал Эдмон, – я поставил Милона только в пример, впрочем, если бы он и чувствовал страсть к Эмилиии...

– Милон? Страсть к Эмилиии? Нет, Эдмон! Ты не знаешь жены моей или слишком ожесточен против женщин, Эмилия добродетельна. (Эдмон коварно улыбнулся.)

– Что значит эта улыбка, – продолжал Эраст, – она привела в содрогание мое сердце. Скажи, объясни мне...

– Чего ты требуешь? – сказал иронически Эдмон. – Эмилия добродетельна, ты знаешь!

– Нет, Эдмон! – прервал с жаром Эраст. – Здесь шутки не у места. Где страждет честь, там шутки не у места. Заклинаю тебя именем дружбы, скажи, что значат слова твои? Неужели я должен подозревать Эмилию в неверности?

– Подозревать? – сказал Эдмон. – Бедный муж! Узнай больше: Милон есть счастливый любовник жены твоей.

– Подозревать? – сказал Эдмон. – Бедный муж! Узнай больше: Милон есть счастливый любовник жены твоей.

– Как? – вскричал Эраст. – Милон! Но почему ты знаешь?

– Я скажу тебе, но клянись сохранить тайну. Несколько дней тому назад я вошел нечаянно к жене твоей и увидел... Милона в ее объятиях! Я хотел уйти, но Эмилия меня видела, и вот причина ее грусти.

Пусть вообразят себе все бешенство Эраста. Эдмон был друг его, он говорил с таким невинным лицом, с каким говорят истину; мог ли он ему не верить?

– Я прошу тебя только об одном, – продолжал Эдмон, – умерить гнев свой и не говорить ни слова Эмилии. Она не рождена порочною, и время обратит опять к тебе ее сердце.

Эдмон очень знал, что пылкий Эраст не выдержит ни минуты, но он употребил сию хитрость для того, чтобы дать более правдоподобия своей лжи.

Эраст, пылая нетерпением, взял шляпу и пролил луч радости в сердце Эдмона, который был вне себя, найдя случай отомстить за свою обиду. Эраст, опомнившись несколько от первого гнева, решился не говорить ни слова жене своей. В таком расположении приехал он домой; но тут уже самый случай помог коварному Эдмону. Идучи к жене, Эраст встретил Милона, который выходил от нее. Весь жар ревности закипел в Эрасте, и он не мог уже скрыть своего бешенства.

– Мой друг! – спросила с беспокойством Эмилия. – Что с тобою сделалось? Ты так бледен, так расстроен! Не случилось ли чего с тобою?

– Мудреный вопрос, Эмилия; порок еще гнуснее, когда он

прикрыт личиною невинности!

– Ты говоришь так непонятно!

– Жена вероломная! – прервал Эраст вне себя. – Теперь я вижу, что любовь твоя ко мне была не что иное, как гнусное притворство. Я видел сам то, о чем меня сейчас известили.

– Мой друг...

– Так, мне изъяснили причину твоей грусти, и я сей час удостоверился в истине. Скажи, зачем ты принимаешь посещения Милона? Зачем избирает он всегда то время, когда меня нет дома?

– Эраст, – сказала Эмилия в слезах, – неужели ты сомневаешься в моей добродетели? Узнай лучше свою Эмилию! Я невинна. Кто бы ни был тот, кто вооружает тебя, клянусь, что я невинна. Если тебе неприятны посещения Милона, я велю ему отказывать; но скажи, кто поселил в тебе подозрение?

– Кто бы мог думать, – сказал Эраст, – чтобы эти слезы, этот невинный вид были орудием злодейства? Нет, я не в силах более терпеть! Эти притворные слезы могли бы истребить мое подозрение, но я не по одному подозрению так поступаю: Эдмон видел тебя в объятиях Милона.

– Эдмон? – спросила с удивлением Эмилия. – Так этот злодей смущает наше спокойствие? Теперь я понимаю! Несчастный друг, узнай больше: две недели тому назад твой друг открывался мне в любви.

– Эдмон? Хитрая женщина! Лишив спокойствия, ты хочешь лишить меня и последнего блаженства – друга! Но не найдешь во мне легковверного!

– Эраст! – сказала Эмилия. – Ежели уже я лишилась любви твоей, то по крайней мере верь моей чести. Эти слезы пусть будут свидетелем того, что я говорю истину!

– Как? – сказал Эраст с удивлением. – Эдмон открывался тебе в любви?

– Презрение было моим ответом, – сказала Эмилия, – я хотела тебе об этом сказать, но коварный Эдмон уверил меня, что он поступил против воли своей по твоему приказанию.

– По моему приказанию? – спросил Эраст еще более удивленный.

– Так, – отвечала Эмилия, – кто бы мог не поверить его невинности, его радости? Я поверила им и признаюсь, мысль, что ты мог подозревать меня, что ты подвергнул меня испытанию, была единственною причиною моей горести. Мой друг, ежели бы я не любила тебя, я бы перенесла это равнодушно; но ах! и в самом ожесточении я еще любила тебя!

– Эмилия! Дражайшая Эмилия! – сказал Эраст. – Прости меня, прости моему легковерию! Но Эдмон? Которого я люблю, как друга! Нет, это жестоко! Жестоко быть так обманутым, жестоко думать, что добродетель так редка на свете! Сей час еду к нему и разорву союз дружбы навеки!

Эраст, приехав к Эдмону, осыпал его упреками. Эдмон, ко всему приготовленный, выслушал его с притворным равнодушием.

– И ты мог верить женщине ожесточенной? – сказал он. – Неужели ты мало уверен в дружбе моей? Неужели мало показал я тебе опытов моего усердия? Если бы я пленился женою моего друга, ты знаешь меня, знаешь мою откровенность, я бы сказал тебе первому. Ты знаешь правила мои; если бы я чувствовал, что не в силах победить страсти я бы удалился от вас. Надобно быть извергу, чтобы нарушить спокойствие друга, надобно быть слишком легковерным, чтобы поверить сказке, худо сплетенной женщиною! Ежели бы это было в самом деле, неужели ты думаешь, что жена твоя не сказала бы тебе о том прежде? Ты не исполнил обещания, сказал ей, что я тебе открыл за тайну, и Эмилия в отпущение выдумала нелепость, чтобы очернить меня в глазах твоих.

Эдмон говорил это с таким хладнокровием, с таким притворством, что Эраст покраснелся, что мог подозревать в измене человека столь добродетельного. Однако ж он еще колебался. Эдмону надобно было нанести решительный удар и получить опять всю доверенность легковерного своего друга.

– Я ли вызвался сказать тебе о вероломстве Эмили? Не сам ли ты спрашивал меня о причине ее грусти? Я бы мог скрыть от тебя эту тайну; но могла ли тогда быть спокойна совесть моя! Я открыл тебе все как друг, а ты теперь считаешь меня злодеем! Но я лучше хочу быть злодеем в глазах твоих и лишиться дружбы твоей, нежели сохранить ее бесчестным образом. Эраст! – продолжал он, взяв его руку. – Прости мне, что я любил тебя много. Мы теперь расстаемся, но если тебе нужны будут утешения и советы, если угнетенное сердце твое в мрачном одиночестве будет терзаться, приходи ко мне и найдешь то же сердце, пылающее к тебе дружбою. Теперь прости! Позволь обнять тебя в последний раз!

Слезы лились по лицу Эдмона, когда он говорил это; Эраст, рыдая, бросился в его объятия:

– Эдмон! Эдмон! Прости моему легковерию! Друг мой, прости меня! Но что мне делать? Сердце мое слабо, следы жены...

– Обыкновенная пружина, которою они владеют мужьями своими! – сказал Эдмон. – Но я не хочу тебя более раздражать. Мой друг, прости ее слабости.

– Простить? – вскричал Эраст. – Простить тогда, когда она, будучи преступницею, хотела разлучить нас? Никогда!

– Но что же ты хочешь делать?

– Удалить ее, – отвечал Эраст, – и если не мог найти счастья в любви, то найду его в пустыне мрачных лесов!

Эдмон с намерением взял сторону Эмили, чтобы самым себе противоречием скорее согласить Эраста к разводу и притворным великодушием более убедить его в свою пользу.

– Нет, мой друг, – сказал он, – ступай к Эмили и прости ее слабости...

– Ехать к ней? – сказал Эраст, – еще раз видеть преступную жену? Нет! Я решился и не переменю своего намерения! Не хочу видеть ее, хочу даже, чтобы она не знала места, где я в горести буду влачить остаток дней моих!

– Ехать к ней? – сказал Эраст, – еще раз видеть преступную жену? Нет! Я решился и не переменю своего намерения! Не хочу

видеть ее, хочу даже, чтобы она не знала места, где я в горести буду влачить остаток дней моих!

Эдмон сам не верил успеху своей хитрости. Он желал развода, но опасался, что Эмилия добродетельною жизнью своею обратит опять к себе сердце Эраста. Ему нужно было истребить любовь в сердце Эмили. Для сего хотел он, чтобы Эраст не уезжал из столицы, но явился снова в свете, не сомневаясь нимало, что интриги его и пылкое сердце Эраста поселят в нем страсть к другой женщине; чрез это он думал ожесточить Эмилию, сделать надежнее разрыв сего союза и после овладеть, ее сердцем, ибо, несмотря на злобу и мщение, он все еще любил Эмилию. Эдмон все силы употребил для достижения своего намерения; но что может коварство против невинности и добродетели?

Однако ж боясь, чтобы в первые дни разрыва Эмилия не нашла случая обличить его коварства, Эдмон будто против воли согласился на отъезд Эраста. Чрез два часа лошади были готовы, Эраст, оставя записку к Эмили, сел в коляску и поехал в деревню Эдмона.

Эмилия долго дожидалась Эраста между страхом и надеждою. Зная хитрый нрав Эдмона, она опасалась, чтобы он не переменил его мыслей. Наконец получает она записку следующего содержания: «После известного Вам происшествия, мы не можем жить вместе. Я не хочу, чтобы разлука наша навлекла некоторую расстройку в вашем состоянии, – оставляю вам мой дом и назначаю ежегодного содержания пять тысяч рублей. Простите, вы меня больше не увидите. Эраст».

Кто может описать удивление и горечь несчастной Эмили? Ей оставалось еще одно средство: ехать к Эрасту и уверить его в своей невинности. Она то и сделала, но ей сказали, что он час тому назад уехал неизвестно куда.

Это был новый удар для чувствительной Эмили, она не хотела оставаться в доме мужа своего, жить его доходами и решилась с маленьким сыном своим ехать к отцу, где она провела луч-

шие лета жизни, не в изобилии, но в невинной простоте, в совершенном спокойствии. Приготовившись к отъезду, она взяла сына своего на колени. Слезы ее лились на грудь невинного младенца, который, обняв ее ручонками, казалось, говорил ей: «Маменька! Не плачьте, еще есть на земле творение, которое вас любит более всего на свете!»

– Бедное дитя! – сказала Эмилия. – Ты не знаешь, что в сию минуту получаешь величайшее из несчастий, теряешь отца! Бедная сирота! Что будет с тобою? Сирота? Что я сказала? Нет, ты не будешь сиротою, у тебя есть еще мать, которая будет жить только для тебя.

Эмилия не могла говорить более от слез и рыдания. В самое это время входит Эдмон.

– Эмилия! Вы плачете? – сказал он.

– Эти слезы, – отвечала Эмилия, – должны быть вам известны. Вы виновник их и некогда дадите в них отчет пред лицом бога.

– Эмилия, я вас не понимаю!

– Скажите, где муж мой? Возвратите отца этому ребенку и мне мужа.

– Я не знаю...

– Злой человек! Неужели ты позавидовал счастью людей, которые любили тебя искренно? Мы несчастны; но кто ж виновник нашего несчастья? – Тот, которого мы почитали другом! Зачем вы пришли сюда? Ругаться моим несчастьем или радоваться успеху вашей злобы? Если эти горячие слезы приятны для вашего сердца, то пейте их и утолите свою жажду. Ах! Избавьте меня вашего присутствия, оно тягостно для невинного сердца!

– Я бы оскорбился вашими упреками, – сказал Эдмон, – если бы их заслуживал. Эмилия, выслушайте меня.

– Несчастье семейства, – сказала Эмилия, – несчастье этого младенца, лишённого отца чрез вас, довольно говорит в ваше оправдание.

– Чрез меня? Эмилия, я говорю вам еще, что я вас не понимаю.

– Не понимаете? – сказала Эмилия. – Разве не вы вселили в Эрасте мысль о моей неверности? Не вы ли уверяли его в страсти моей к Милону, тогда когда сами имели дерзость открыться мне в любви?

– Эмилия, – говорил Эдмон, – теперь я вижу, что мы оба грубо обмануты. Я ни слова не знаю о Милоне. Эраст нынче мне сам сказал об этом; я старался истребить в нем такую мысль, говорил по собственному опыту, но советы мои действовали худо, и Эраст оставил меня. Я приехал вас уведомить об этом. Дайте мне кончить. Теперь я знаю причину его поступка – не добродетель ваша была в подозрении, не я старался разлучить вас. Нет! Клянусь вам моею честью! Узнайте, что Эраст влюблен в Эйлалию и оклеветал и вас и меня для того, чтобы иметь предлог к разводу с вами. Конечно, эта выдумка доказывает его хитрый нрав, которого ни вы, ни я не могли заметить прежде. Теперь вы видите, что я невинен, – возвратите мне дружбу вашу, столь для меня драгоценную, и верьте, что я для оправдания себя в глазах ваших все меры приложу возвратить Эраста в ваши объятия.

Эмилия с терпением выслушала Эдмона.

– Не думайте, – сказала она, – найти во мне столько легковерия. Эраст поступил со мною дурно, но я уважаю его и вы никогда не успеете поселить во мне ненависти к нему. Я знаю его сердце, оно пылко, но не склонно к пороку. Вы оклеветали меня, нарушили мое спокойствие и хотите еще очернить в глазах моих мужа, которого я люблю...

– Эмилия...

– Нет, довольно! Я узнала изверга, тигра в образе человека и более не хочу его видеть. Оставьте меня и не заражайте воздуха, питающего невинность.

– Эмилия! Я оставлю вас, но не кляните меня, я не заслуживаю ваших упреков. Клянусь, что я невинен. Ах! Мог ли я желать вам зла, когда сердце мое пылает к вам любовью? Эмилия! Еще

раз у ног ваших клянусь в любви моей. Сжальтесь над несчастным, который еще в первый раз чувствует сей пламень в груди своей... Боже мой! Я не знаю, что я говорю, что я делаю... Эмилия! Одно слово, один взгляд – и Эраст будет опять ваш...

– Он здесь! – сказал Эраст, войдя в комнату. – И здесь для того, чтобы наказать вероломство друга!

Кто может выразить удивление Эмилии и Эдмона?

– Боже мой, – закричала Эмилия, – Эраст! Ты опять мой!

– Ты опять моя! – сказал Эраст обнимая Эмилию. – А ты, бесчестный человек, что скажешь теперь в свое оправдание?

– В самом деле, – сказал Эдмон, не могши скрыть своего смущения, – я кажусь пред тобою виноватым, но мой друг...

– Злодей! – сказал Эраст. – И ты смеешь называть меня другом! Я, невинная жертва твоего коварства, следуя советам твоим, уже оставил город; но невольное чувство, которого я победить не мог, влекло меня сюда. Приезжаю – и вижу не Милона, но тебя на коленях пред женою моею. Разве не слышал я...

– Мой друг, – сказал Эдмон, – тебе показалось...

– Прочь, изверг! – закричал Эраст. – Прочь! И не доводи меня до необходимости наказывать твое предательство.

Эдмон еще хотел оправдываться, но, видя, что уже это поздно, уехал, разгласил по городу о несогласиях Эраста и Эмилии и прибавил множество анекдотов насчет добродетели Эмилии. Свет, любя злоречие, ему верил. Но Эмилия и Эраст своею добродетельною жизнью заставили умолкнуть злобу. Эраст впоследствии жизни своей имел много приятелей, но не искал уже друзей и часто говорил, что добрая жена есть лучший друг на свете.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

Литературные термины и их определения

А

Абзац — отрывок текста от одной красной строки до другой.

Авангардизм — движение в художественной культуре XX века, порывающее с существующими нормами и традициями, превращающее новизну выразительных средств в самоцель.

Автобиография — произведение, в котором писатель описывает свою жизнь.

Автограф — собственноручно написанная автором рукопись произведения, письмо, надпись на книге, а также собственноручная подпись автора.

Авторская речь — иносказательное изображение отвлеченного понятия или явления действительности при помощи конкретного образа.

Аккеизм — литературное течение в русской поэзии нач. XX в.

Акростих — стихотворение, в котором начальные буквы строк образуют имя или фамилию, слово или фразу.

Аллегория — иносказательное изображение предмета или явления с целью наглядно показать его существенные черты. Часто аллегория лежит в основе загадки: «Красна девица сидит в темнице, а коса на улице», пословицы: «Чем дальше в лес, тем больше дров», басни.

Аллитерация — повторение в стихах (реже в прозе) одинаковых, созвучных согласных звуков для усиления выразительности художественной речи.

Альманах — сборник литературных произведений различного содержания.

Амфибрахий — трехсложная стопа в русском силлабо-тоническом стихосложении, в которой ударение падает на второй слог.

Анакреонтическая поэзия — вид античной лирической поэзии: стихотворения, в которых воспевалась веселая, беззаботная жизнь.

Анапест — трехсложная стопа в русском силлабо-тоническом стихосложении с ударением на третьем слоге.

Аннотация — краткое пояснение к содержанию книги.

Аноним — произведение без обозначения имени автора; автор произведения, скрывший свое имя.

Антитеза — оборот поэтической речи, в котором для выразительности резко противопоставлены прямо противоположные понятия, мысли, черты характера действующих лиц.

Антология — сборник избранных произведений разных авторов.

Апострофа — оборот поэтической речи, состоящий в обращении к неодушевленному явлению как к одушевленному и к отсутствующему лицу как к присутствующему.

Архитектоника — построение художественного произведения, соразмерность его частей, глав, эпизодов.

Афоризм — мысль, изложенная кратко и точно.

Б

Баллада — лиро-эпическое стихотворное произведение с ярко выраженным сюжетом исторического или бытового характера.

Басня — небольшое произведение с ироническим, сатирическим или нравоучительным содержанием основанная на приёме ино-сказания, аллегории. От притчи или аполога басня отличается законченностью сюжетного развития, от других форм аллегорического повествования, например аллегорического романа, единством действия и сжатостью изложения.

Беллетристика — общее название художественной литературы в прозе и стихах. Беллетристика сейчас часто упоминается в новом значении «массовой литературы» противопоставляемой «высокой литературе».

Белые стихи — стихи, не имеющие рифмы.

Бета-ридер — человек, читающий рукопись до ее отправки в издательство и указывающий автору на ошибки (стилистические, грамматические, структурные и т.п.).

Благозвучие (эвфония) — качество речи, заключающееся в красоте и естественности ее звучания.

Буриме — стихотворение, составленное по заранее заданным, часто необычным рифмам.

Бурлеск — шуточное повествовательное стихотворение, в котором возвышенная тема излагается иронически, пародийно.

Былина — русская народная повествовательная песня-поэма о богатырях и героях.

В

Варваризм — слово или оборот речи, заимствованные из чужого языка. Необоснованное применение варваризмов загрязняет родной язык.

Вдохновение — состояние озарения, творческого подъема.

Версификация — система определенных правил и приемов построения стихотворной речи, Стихосложения.

Верлибр — свободный стих без формальных признаков (метра и рифмы), но обладающий некоторой ритмичностью.

Верстка — один из этапов доредакционной подготовки книги. Верстальщик размещает текст и иллюстрации так, как они будут выглядеть в книге. Версткой также называют pdf-файл, который отсылают автору, чтобы он мог ознакомиться с макетом книги.

Вирши — стихи на религиозные и светские темы с обязательной рифмой в конце строки.

Вкус художественный — способность правильного восприятия, самостоятельного осмысления произведений искусства; понимание природы художественного творчества и умение анализировать художественное произведение.

Вольный стих — силлабо-тонический, обычно ямбический стих с неравным количеством стоп в стихотворных строках.

Восклицание риторическое – выразительное средство языка; обращение, служащее целям повышения эмоциональности, создает обычно настроение торжественное, приподнятое

Воспоминания, или мемуары — произведения повествовательной литературы о прошлых событиях, написанные их участниками.

Вульгаризм — грубое слово, неправильный оборот, не принятый в литературной речи.

Вымысел — плод воображения, фантазии писателя.

Г

Гекзаметр — стихотворный размер в античном стихосложении, в русском — шестистопный дактиль в сочетании с хореем.

Герой лирический — лицо в лирической поэзии, переживания, мысли и чувства которого выражены в стихотворении, от имени которого оно написано.

Герой литературного произведения — основное или одно из основных действующих лиц, обладающее отчетливыми чертами характера и поведения, определенным отношением к другим действующим лицам и жизненным явлениям.

Гипербола — стилистическая фигура, заключающаяся в образном преувеличении изображаемого события или явления.

Градация – выразительное средство языка, с помощью которого постепенно усиливаются или ослабляются изображаемые чувства и мысли.

Гротеск — изображение человека, событий или явлений в фантастическом, уродливо-комическом виде.

Гуманизм – мировоззрение, при котором высшей ценностью объявляется человек во всех его проявлениях.

Д

Дактиль — трехсложная стопа в русском силлабо-тоническом стихосложении, содержащий ударный и два безударных слога.

Двустиишие — простейшее строфическое образование из двух стихов, обычно скрепленных рифмой.

Декадентство — одно из проявлений модернизма, для которого характерны проповедь бессодержательного искусства, мистика, крайний индивидуализм.

Детектив — произведение приключенческой литературы.

Детская литература — произведения разных жанров, предназначенные для детей.

Диалектизмы — слова из общего национального языка, употребляющиеся в основном в определенной местности и использующиеся в литературных произведениях для создания местного колорита или речевой характеристики персонажей

Диалог — разговор двух или нескольких персонажей.

Дифирамб — произведение восхваляющего характера.

Дольник — трехсложный размер с пропуском одного-двух безударных слогов внутри строки.

Драматическое произведение, или драма — произведение, предназначенное для постановки на сцене.

Ж

Жанр — исторически сложившееся подразделение совокупности литературных произведений, осуществляемое на основе специфических свойств их формы и содержания

Жанровая литература — общее название произведений, в которых основной движущей силой является сюжет. Нравственное развитие героев здесь не важно. К жанровым произведениями относят детективы, любовные романы, фантастику, фэнтези и ужасы.

Житие — в древнерусской литературе повесть о жизни отшельника, монаха или святого.

З

Завязка — событие, с которого начинается развитие действия в произведении.

Загадка — жанр фольклора, в котором по содержащемуся в вопросе образу надо найти правильный ответ.

Заимствование — использование автором приемов, тем или идей другого писателя.

Зачин — начало произведения русского народного литературного творчества – былины, сказки и т.д.

Заявка — письмо, направляемое автором в издательство с предложением опубликовать рукопись.

И

Идеализация — изображение чего-либо в лучшем, чем в действительности, виде.

Идейный мир произведения — область художественных решений. в него включаются авторские оценки и идеал, художественные идеи и пафос произведения.

Идея художественного произведения — главная мысль о том круге явлений, которые изображены в произведении; выражается писателем в художественных образах.

Идиллия — стихотворение, в котором изображается безмятежная жизнь на лоне природы.

Имажинизм — литературное течение; имажинисты провозглашали основной задачей художественного творчества придумывание новых образов.

Импессионизм — литературное течение; импессионисты считали задачей искусства передачу непосредственных личных впечатлений писателя.

Импровизация — создание произведений без предварительной подготовки.

Инвектива — резкое обличение.

Инверсия — оборот поэтической речи, заключающийся в своеобразной расстановке слов в предложении, нарушающей обычный порядок.

Интонация — основное выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к предмету речи и к собеседнику.

Интрига — развитие действия в сложном сюжете произведения.

Ирония — скрытая насмешка.

К

Каламбур — игра слов, основанная на их звуковом сходстве при различном смысле

Кантата — стихотворение торжественного характера, воспевающее какое-либо радостное событие или его героя.

Кантилена — небольшое стихотворение повествовательного характера, исполнявшееся под музыку.

Канцона — стихотворение, воспевающее рыцарскую любовь.

Карикатура — шутивное или сатирическое изображение событий или лиц.

Классика — литературное наследие писателей, признанных лучшими в мировой литературе (Пушкин, Гете, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Шекспир и др.).

Классицизм — литературное направление (течение) xvii — нач. xix вв. в России и Западной Европе, базировавшееся на подражании античным образцам и строгих стилистических нормативах.

Классическая литература — образцовая, наиболее ценная литература прошлого и современности.

Клаузула — заключительные слоги стихотворной строки, начинающая с последнего ударного слога.

Кода — заключительный, добавочный стих.

Коллизия — столкновение, борьба действующих сил, вовлеченных в конфликт между собой.

Комедия — драматическое произведение, в основе которого лежит юмор, смешное.

Комментарий — истолкование, разъяснение смысла произведения, эпизода, фразы.

Коммерческая литература — произведения, предназначенные для широкой аудитории и пользующиеся большим спросом.

Включает в себя жанровую литературу и мейнстрим.

Композиция — структура художественного произведения.

Контекст — отрывок литературного произведения; необходимый для определения смысла взятых из него слов.

Контраст — резко выраженная противоположность черт, качеств, свойств человеческого характера, предмета, явления; литературный прием.

Конфликт — столкновение, лежащее в основе борьбы действующих лиц в художественном произведении.

Концовка — заключительная часть или эпилог литературного произведения.

Критика — сочинения, посвященные оценке, анализу и толкованию художественных произведений.

Крылатое слово — меткое выражение, ставшее поговоркой.

Кульминация — эпизод литературного произведения, в котором конфликт достигает критической точки своего развития.

Куплет — строфа в песне, имеющей рефрен; обычно обладает законченным смыслом, сближаясь со стансами.

Л

Лаконизм — краткость в выражении мысли.

Легенда — в фольклоре устный, народный рассказ, в основе которого чудесное событие или образ.

Лейтмотив — образ или оборот художественной речи, повторяющийся в произведении.

Лирика — один из основных родов литературы, отражающий жизнь при помощи изображения отдельных (единичных) состояний, мыслей, чувств, впечатлений и переживаний человека, вызванных теми или иными обстоятельствами.

Лирическое отступление — высказывание автором своих чувств и мыслей в связи с изображаемым в произведении.

Литература художественная — область искусства, отличительной чертой которого является отображение жизни, создание художественного образа при помощи слова.

Лубочная литература — дешевые по цене книги с картинками, которыми торговали странствующие коробейники.

М

Мадригал — лирическое произведение шутивно-комплиментарного или любовного содержания.

Мастерство художественное - умение писателя передавать в художественных образах правду жизни.

Мейнстрим — художественные произведения, главную роль в которых играет не сюжет, а нравственное развитие героев.

Мелодика стиха — интонационная его организация, повышения и понижения голоса, передающие интонационно-смысловые оттенки.

Мелодрама – драматический жанр, ориентирующий зрителя на сострадание, сочувствие героям.

Метафора — использование слова в переносном значении для описания лица, предмета или явления.

Метод — основные принципы, которыми руководствуется писатель. художественными методами являлись реализм, романтизм, сентиментализм и др.

Метонимия — замена в поэтической речи названия, явления, понятия или предмета другим, неразрывно связанным с ним в нашем сознании.

Метрическое стихосложение — система стихосложения, основанная на чередовании кратких и долгих слогов в стихе. таким является античное стихосложение.

Миниатюра — небольшое литературное произведение.

Миф — древнее сказание о происхождении жизни на земле, о природных явлениях, о подвигах богов и героев.

Многосоюзие (полисиндетон) — оборот поэтической речи; намеренное увеличение количества союзов в предложении.

Модернизм — направление (течение) в искусстве, противоположное реализму и характеризующееся отрицанием традиций, условностью изображения и экспериментаторством.

Монолог — речь действующего лица, обращенная к собеседнику или самому себе.

Моноритм — стихотворение с повторяющейся одной рифмой.

Мотив — в литературном произведении дополнительные, второстепенные темы, которые в сочетании с основной темой образуют художественное целое.

Мотивировка — зависимость всех элементов художественной формы произведения от его содержания.

Н

Натурализм — направление в литературе последней трети 19 века, утверждавшее предельно точное и объективное воспроизведение действительности, порой приводившее к подавлению индивидуальности автора.

Начальная рифма — созвучие, находящееся в начале стиха.

Неологизм — новое слово.

Новаторство — внесение новых идей, приемов.

Новелла — небольшое прозаическое произведение, сопоставимое

с рассказом. В новелле большая насыщенность событиями, четче фабула, отчетливый поворот сюжета, приводящий к развязке.

О

Образ — художественное изображение в литературном произведении человека, природы или отдельных явлений.

Обращение — оборот поэтической речи, состоящий в подчеркнутом обращении писателя к герою своего произведения, явлениям природы, читателю.

Ода — хвалебное стихотворение, посвященное торжественному событию или герою.

Октава — строфа из восьми стихов, в которой первые шесть стихов объединены двумя перекрестными рифмами, а два последних — смежной.

Олицетворение (прозопопея) — прием, при котором неодушевленные предметы, животные, явления природы наделяются человеческими способностями и свойствами

Онегинская строфа — строфа, использованная а. с. пушкиным при написании романа «Евгений Онегин», состоящая из трех четверостиший и заключительного двустишья.

Оппозиция – вариант антитезы: противодействие, противопоставление взглядов, поведения персонажей на уровне характеров (Онегин – Ленский) и на уровне понятий («венок – венец» в стихотворении М. Лермонтова «Смерть поэта»).

Очерк – литературное произведение, основанное на фактах, документах, наблюдениях автора.

П

Памфлет — публицистическое произведение с явно выраженной обличительной направленностью и определенным социально-

политическим адресом.

Параллелизм — прием поэтической речи, состоящий в сопоставлении двух явлений путем параллельного их изображения.

Пародия — жанр литературы, политически или сатирически имитирующий особенности оригинала.

Пасквиль — произведение с оскорбительным, клеветническим содержанием.

Пастораль — стихотворение, описывающее мирную жизнь пастухов и пастушек на лоне природы.

Пафос — ведущий эмоциональный тон произведения.

Пейзаж — изображение природы в литературном произведении.

Перенос — перенесение окончания законченного по смыслу предложения из одной стихотворной строки или строфы в следующую за ней.

Перифраз — замена названия предмета или явления описанием присутствующих ему существенных черт и признаков.

Персонаж — действующее лицо литературного произведения.

Повествователь — лицо, от имени которого ведется рассказ в эпических и лироэпических произведениях.

Поговорка — краткое образное выражение, не имеющее синтаксической завершенности.

Портрет — изображение в художественном произведении внешности персонажа.

Посвящение — надпись в начале произведения, указывающая на лицо, которому оно посвящено.

Послание — литературное произведение, написанное в виде обращения к какому-либо лицу или лицам.

Послесловие — дополнительная часть произведения, в которой содержатся пояснения автора к своему творению.

Пословица — краткое мудрое изречение, содержащее законченную мысль: «Век живи, век учись», «Без друга на сердце вьюга».

Поучение — литературное произведение в форме речи познавательного характера.

Поэзия — художественное творчество в стихотворной форме.
Поэма — один из видов лиро-эпических произведений: в поэме есть сюжет, события (что характерно для эпического произведения) и открытое выражение автором своих чувств (как в лирике).
Прибаутка — острое словцо или словосочетание.
Притча — назидательный рассказ о человеческой жизни в иносказательной или аллегорической форме.
Проблема — вопрос, который исследуется писателем в произведении.
Проблематика — перечень проблем, затронутых в произведении.
Проза — художественное произведение, изложенное обычной (свободно организованной, а не стихотворной) речью.
Пролог — вступление в литературное произведение.
Прототип — реальный человек, чья жизнь и характер нашли отражение при создании писателем литературного образа.
Псевдоним — вымышленное имя или фамилия писателя.
Публицистика — совокупность художественных произведений, отражающих общественную и политическую жизнь общества.
Путешествие — литературное произведение, в котором повествуется о бывшем в действительности или вымышленном путешествии.

Р

Развязка — положение действующих лиц, которое сложилось в произведении в результате развития изображенных в нем событий; заключительная сцена.
Размер стиха — число и порядок чередования ударных и безударных слогов в стопах силлабо-тонического стиха.
Рапсод — странствующий древнегреческий поэт-певец, певший под лиру эпические песни.

Рассказ или новелла — основной жанр малой повествовательной прозы. Рассказ — меньшая по объему форма художественной прозы, чем повесть или роман. По сравнению с более развернутыми повествовательными формами в рассказах не много действующих лиц и одна сюжетная линия (реже несколько) при характерном наличии какой-то одной проблемы.

Редакция — один из вариантов текста произведения.

Ремарка — пояснение автора по поводу того или иного персонажа, обстановки действия, предназначенное для актеров.

Реплика — ответ одного персонажа на речь другого.

Рефрен — повторяющиеся стихи в конце каждой строфы.

Ритм — систематическое, мерное повторение в стихе определенных, сходных между собой единиц речи (слогов).

Рифма — совпадающие по звучанию окончания стихотворных строк.

Род литературы — деление по основополагающим признакам: драма, лирика, лироэпика, эпос.

Романс — небольшое лирическое стихотворение напевного типа на тему любви.

Роман — большое повествовательное произведение, обычно отличающееся многообразием действующих лиц и разветвленностью сюжета.

Рондо — восьмистишие, содержащее 13 (15) строк и 2 рифмы.

Рубаи — формы лирической поэзии востока: четверостишие, в котором рифмуется первая, вторая и четвертая строки.

С

Сага — жанр скандинавской и исландской эпической литературы; героическая эпопея, соединяющая стихотворные и прозаические описания деяний.

Сарказм — язвительная насмешка.

Сатира — художественные произведения, в которых высмеиваются порочные явления в жизни общества или отрицательные качества отдельного человека.

Свободный стих (верлибр) — стих, в котором произвольно количество ударных и безударных слогов; в его основе лежит однородная синтаксическая организация, определяющая однородную интонацию стиха.

Силлабическое стихосложение — в его основу положено одинаковое число слогов в стихотворной строке.

Силлабо-тоническое стихосложение — система стихосложения, которая определяется количеством слогов, числом ударений и их расположением в стихотворной строке.

Символизм — литературное течение; символисты создавали и использовали систему символов, в которые вкладывался особый мистический смысл.

Сказ — способ организации повествования, ориентированный на устную, часто простонародную речь.

Сказание (легенда) — художественное произведение, в основе которого лежит происшествие, имевшее место в действительности.

Слог — звук или сочетание звуков в слове, произносимое одним выдыханием; первичная ритмическая единица в стихотворной мерной речи.

Сонет — вид сложной строфы, состоящей из 14 стихов, разбитых на 2 четверостишья и 2 трехстишья.

Сравнение — определение явления или понятия в художественной речи при помощи сопоставления его с другим явлением, имеющим с первым общие признаки.

Стансы — малая форма лирической поэзии, состоящая из четверостиший, законченных по мысли.

Стилистика — раздел теории литературы, который изучает особенности языка произведений.

Стиль — совокупность основных идейно-художественных особенностей творчества писателя.

Стих — мерная, ритмически организованная, ярко эмоциональная речь.

Стихосложение — система построения мерной поэтической речи, в основу которой положена какая-либо повторяющаяся ритмическая единица речи.

Стихотворная речь — в отличие от прозы, речь ритмически упорядоченная, состоящая из сходно звучащих отрезков — строк, строф. Часто в стихах имеется рифма.

Стопа — в силлабо-тоническом стихосложении повторяющиеся сочетания ударных и безударных слогов в стихе, которые определяют его размер.

Строфа — сочетание двух или нескольких стихотворных строк, объединенных системой рифм и общей интонацией или только общей интонацией.

Сюжет — основные эпизоды событийного ряда в их художественной последовательности.

Т

Тавтограмма — стихотворение, все слова которого начинаются с одной буквы.

Творческая история — история создания художественного произведения.

Творческий процесс — работа писателя над произведением.

Тема — объект художественного отражения.

Тематика — совокупность тем произведения.

Тенденция — идея, вывод, к которому стремится привести читателя автор.

Течение литературное — творческое единство писателей, близких друг другу по идеологии, восприятию жизни и творчества.

Терцет — стихотворная строфа, состоящая из 3 стихов (строк), рифмующихся между собой или с соответствующими стихами последующего терцета.

Тип — художественный образ, в котором отражены основные характерные черты определенной группы людей или явлений.

Трагедия — драматический жанр, который строится на неразрешимом конфликте. Вид драматургического произведения, рассказывающего о несчастной судьбе главного героя, часто обреченного на смерть.

Трактат — жанр научной литературы; законченное сочинение на научную тему, заключающее в себе постановку проблемы, систему доказательств её решения и выводы.

Троп — оборот речи, состоящий в употреблении слова или выражения в переносном значении, смысле.

У

Урбанизм — направление в литературе, занятое преимущественно описанием особенностей жизни в большом городе.

Утопия — произведение, изображающее вымышленную картину идеального жизненного устройства.

Устное народное поэтическое творчество (фольклор) — совокупность созданных в народной среде поэтических произведений, бытующих в устной форме; в них нет единой авторской позиции, место которой занимает ориентация на общенародный идеал.

Ф

Фабула — расположение основных событий литературного произведения в их хронологической последовательности.

Фантастика — мир невероятных, чудесных представлений и образов, рождённых воображением.

Фельетон — тип газетной статьи с высмеиванием пороков общества.

Фигура стилистическая — необычный оборот речи, к которому прибегает писатель для усиления выразительности художественного слова.

Фольклор — совокупность произведений устного народного поэтического творчества.

Х

Характер — художественный образ человека, обладающий ярко выраженными индивидуальными чертами.

Хорей — двухсложный стихотворный размер с ударением на первом слоге.

Хроника — повествовательное или драматическое литературное произведение, отображающее в хронологическом порядке события общественной жизни.

Художественные средства — средства, которые делают художественную речь более яркой и выразительной (эпитет, сравнение и др.).

Художественный метод — совокупность наиболее общих принципов и особенностей образного отражения жизни в искусстве, которые устойчиво повторяются в творчестве ряда писателей и тем самым образуют литературное направление. К художественным методам (и направлениям) относятся классицизм, сентиментализм, романтизм и реализм.

Художественный образ — человек, предмет, явление, картина жизни, творчески воссозданные в художественном произведении.

Ц

Цезура — пауза в середине стиха (строки) поэтического произведения.

Цикл — ряд художественных произведений, объединенных одними и теми же действующими лицами, эпохой, мыслью или переживанием.

Ч

Частушка — небольшое произведение устной народной поэзии с шутливым, сатирическим или лирическим содержанием.

Э

Эвфемизм — замена в поэтической речи грубых выражений более мягкими.

Эзопов язык — иносказательный, замаскированный способ выражать свои мысли.

Эклога — небольшое стихотворение, изображающее сельскую жизнь.

Экспозиция — вступительная, исходная часть сюжета; в отличие от завязки не влияет на ход последующих событий в произведении.

Экспромт — произведение, созданное быстро, без подготовки.

Элегия — стихотворение, пронизанное грустью или мечтательным настроением.

Эпиграмма — короткое остроумно-насмешливое или сатирическое стихотворение.

Эпиграф — короткий текст, помещенный в начале произведения и поясняющий замысел автора.

Эпизод — одно из связанных между собой событий в сюжете, имеющее более или менее самостоятельное значение в произведении.

Эпилог — заключительная часть произведения, кратко сообщающая читателю о судьбе героев.

Эпитет — образное определение.

Эпическое произведение — художественное произведение, в котором автор повествует о людях, об окружающем мире, о различных событиях. Виды эпических произведений: роман, повесть, рассказ, басня, сказка, притча и др.

Эссе – произведение эпического жанра, содержащее субъективные, нетрадиционные рассуждения автора, не претендующие на исчерпывающую характеристику и глубокую изученность поднятой проблемы. Эссе отличается свободной композицией и установкой на образный, афористичный язык, на беседу с читателем.

Ю

Юмор – вид пафоса, основанный на комическом. В отличие от сатиры юмор не отвергает и не высмеивает комическое в жизни, а принимает и утверждает его как неизбежную и необходимую сторону бытия. Юмор является выражением жизнерадостности, здорового оптимизма.

Юмореска — небольшое юмористическое произведение в прозе или стихах.

Я

Ямб — двухсложный размер в русском стихосложении, состоящий из безударного и ударного слога.

Список литературы

Анищенко Г.А. Литературный справочник: учеб. пособие. М.: Форум, 2015.

Агеносов В.В. Русская литература XX века. М.: Дрофа, 2017.

Брусилов Н.П. Воспоминания Н. П. Брусилова / предисл. В.Ф. Боцяновского // Исторический вестник. 1893. Т. 52, № 4. С. 37-71. Сетевая версия Е. Кутьковой.

Динабургский В. Князь Роман Брянский // Брянский рабочий. 2018. № 26. С. 6.

Литература: учеб. для НПО и СПО / под ред. Г.А. Обернихиной. 13-е изд., стер. М.: Академия, 2015.

Лебедев Ю. В. Литература. 10 кл. В 2 ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 2016.

Лебедев Ю. В. Литература. 10 кл. В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 2016.

Меркин Г.С. Русская литература XX века. Ч. 1. Смоленск, 2016.

Егорова Н.В. Поурочные разработки по русской литературе 20 века. 11 класс. 2016.

Ермакова Г.А. Практикум для подготовки к итоговому зачёту по литературе. 2015.

Погорельский Антоний // Русские писатели 1800—1917. Т. 5. М., 2007.

Соколов Я. Д. Брянск – город древний: ист.-краевед. очерки. Брянск: Читай-город, 2006. С. 16-17.

Упырь: рассказ / соч. Краснорогского [псевд.]. СПб.: Тип. Фишера, 1841. 177 с.

Дополнительные источники

Интернет-ресурсы

1. Классика <http://www.klassika.ru/>
2. Все стихи на одной странице. Русская поэзия <http://rurоem.ru/>

Учебное издание

Батурина Ольга Алексеевна

Литература Брянского края 19 века

**Учебно-методическое пособие
для практических занятий и самостоятельной работы
студентов 1 курса факультета СПО по дисциплине
«РУССКАЯ РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

Редактор Павлютина И.П.

Подписано к печати 25.10.2021 г. Формат А 5.
Бумага печатная Усл. п. л. 6,74. Тираж 50. Изд. №7038.

243365 Брянская обл., Выгоничский р-н, с. Кокино
Издательство Брянского государственного аграрного университета